

Месяц исторический фильм

Прекрасная ПОСЛАННИЦА

Нина
БОРОТКИНА

Нина Матвеевна Соротокина
Прекрасная посланница
Серия «Женский исторический роман»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14655018
Прекрасная посланница : роман / Нина Соротокина: Вече; Москва; 2013
ISBN 978-5-4444-0993-0, 978-5-4444-7476-1

Аннотация

Сценой для захватывающих событий историко-приключенческого романа «Прекрасная посланница» становится вся Европа первой половины XVIII века. Начавшись в стенах русской миссии в Париже, действие перемещается в замок польского князя Гондлевского, затем в Варшаву, а далее в новую столицу российской империи – Санкт-Петербург. И повсюду героев ждут невероятные приключения, отчаянные схватки, поиски сокровищ и конечно же любовь.

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	10
3	15
4	18
5	23
6	27
7	31
8	35
9	39
10	43
11	46
12	50
Часть вторая	53
1	53
2	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Нина Матвеевна Соротокина

Прекрасная посланница

© Соротокина Н.М., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

* * *

Часть первая

1

Уже ноябрь был на исходе, а отъезд Ксаверия в армию все откладывался. Виной тому были не ослабевший патриотизм князя Гондлевского и не болезнь княгини, схватившей сильную простуду, а безденежье, черт его бери! Сына не отправишь воевать абы как. Ксаверий представитель славного рода, потому на поле брани должен выглядеть подобающе. Старый князь уверенно высказался – сыну должно идти в польские гусары, а это значит – форма, и приклад, и денщика надобно одеть, чтобы стыдно не было. А главное – конь кавалерийский, чтоб ростом без подков не менее двух аршин и четырех вершков. В конюшнях князя таких лошадей не было, надобно покупать. В большом ходу сейчас были русские деньги. А где взять эти тридцать рублей? Меньшей суммой здесь никак не обойдешься.

Еще престарелая тетка Агата подливала масла в огонь, внося в приготовления ненужную нервозность. Право слово, она доконала всех своими вопросами.

– Ксаверий идет в гусары? Ах ты, господи! Это значит, ему нужны крылья? Какая же кавалерия без крыльев?

– Агата, ты сошла с ума! – негодовал старый князь. – Ты бы еще вспомнила кольчужных драгун времен Болеслава Храброго. Сейчас XVIII век!

О, славные победы польских гусар! В былое время они наводили ужас, но войска русские, шведские и турецкие. Отважные кавалеристы летели в бой в накинутах на плечи леопардовых или медвежьих шкурах, и за спиной их трепыхали длинные крылья, наводящие ужас на противников...

Крылья делались из индюшачьих, орлиных или гусиных перьев. Они крепились к спине гусара, нависая над его головой. Считалось, что крылья в бою издают неприятный для неподготовленной лошади звук. А понятно, что лошади противника и есть эти самые неподготовленные. Они пугаются и не подчиняются наезднику. Ну а дальше, смять вражий строй – левое дело.

Были и более разумные объяснения этой экзотической экипировке. Крылья защищали польского воина от петли аркана, а также смягчали удар при падении с лошади. Летящая на врага лавина была похожа на воинствующих херувимов, спустившихся с небес, дабы поразить безбожников. Здесь не грех вспомнить, как разбили они наголову войско врага рода человеческого, московита Ивана Грозного.

Все это вспомнилось под сводами старого замка, укрепляло патриотический дух его обитателей, но денег не прибавляло. Князь пытался подзанять монет, но ввиду трудного времени все вокруг были безденежны.

Для пошива формы пришлось довольствоваться домашней швеей. Смех, да и только! Она, конечно, стежок ровно кладет, но в мундире главная линия и эдакий лоск в общем виде. А дуреха швея ползает вокруг молодого князя на коленках, подкалывает ткань булавками и все вопрошает суетливо: «А камзол какой длины? А карманы подабают или нет? А обшлага красного цвета подойдут?»

Ксаверий злился, но злость эта была скорее для виду. Прекрасная вдовушка вернулась из Варшавы в свою усадьбу. Ксаверию удалось обмануть родителей, и он провел у нее две сказочные ночи. «О, эта грудь, подобная двум спелым яблокам, и каждая из них такой величины, что ее можно было прикрыть одной рукой» – так писали поэты в XVIII веке. И еще узкая ножка с нежными пальчиками, и еще... Словом, они поклялись любить друг друга, пока смерть не разнимет их.

Узнав о скором отъезде любимого, вдовушка всплакнула, но полностью одобрила желание Ксаверия защитить Станислава Лещинского от происков проклятых русских. Ведь не навсегда же уезжает любимый. Он вернется, и они тут же обретут вечное блаженство.

Лизонька Сурмилова все еще жила в замке Гондлевских. Все карты были раскрыты, у Лизы есть жених. Теперь уже никто не мешал предаваться ей одиноким мечтаниям над книгой и совершать прогулки в обществе верной Павлы. Ксаверий иногда сопровождал их, но редко.

Ему было жалко девушку. Право слово, он теперь не знал, о чем с ней говорить. Вряд ли Лизонька догадалась о матримониальных намерениях его матери, но все равно неудобно как-то, стыдно. А встреча Лизоньки с женихом выглядит и вовсе неправдоподобно. Ведь завидная невеста и любит своего Матвея без памяти, а он бросил ее в замке среди чужих людей и отбыл в неизвестном направлении. И вообще этот князь Матвей темная лошадка. Правильно, что батюшка его в подвал засадил. Негоциант... он, вишь, лошадей покупает. И какой вывод? Куда как естественнее предположить, что этот князь просто русский шпион, который охотится за Шамбером и пропавшими деньгами. А при чем здесь Лизонька?

Однажды Ксаверий не удержался и задал неделикатный вопрос. Может, это и против правил куртуазности, но Лизонька заслуживает его участия. Она всегда вела себя как верный друг, кроме того, проявила храбрость и настойчивость вовсе не женскую. Словом, Ксаверий напрямую спросил, куда делся князь Козловский.

Дева потупилась, глаза ее предательски заблестели, она даже не изящно шмыгнула носиком, тут же прикрыв его рукой.

– Князь Матвей человек военный, он себе не принадлежит. Все объяснило письмо его.

– Осмелюсь спросить прекрасную панночку, что же он написал?

– Что «обстоятельства чрезвычайные заставляют его немедленно отбыть в отечество».

– Что же это за обстоятельства такие?

– Ну, это не моего ума дела. Мое дело – верить и ждать. И я дождусь своего счастья, – добавила она твердо, непроизвольно сжав кулаки.

И тут же перевела разговор. Она стала извиняться перед Ксаверием, что так долго пользуется гостеприимством его дома. Но право слово, она не виновата. Батюшка давно написал, что послал карету с верными людьми, но какие-то неведомые обстоятельства задержали ее в пути.

Вот здесь Ксаверий блеснул светским обхождением и красивым слогом. Да как только могут ее, то есть Лизонькины, божественные уста молотить подобный вздор? Да в замке в ней все души не чают, потому что она есть истинное украшение их скромной обители. И так далее, и в том же духе.

Объяснение внезапной задержки русской кареты пришло спустя неделю. Прибыл посыльный от господина Сурмилова. Оказывается, карету конфисковала польская армия, имелись в виду конфедераты, и теперь Карп Ильич собирается вывезти дочь не иначе как под русским конвоем, «об обеспечении которого сейчас старание имеет».

Сурмиловский посыльный привез не только письмо, но и деньги, а также подарки для всей семьи Гондлевских. Подарки были торжественно поднесены и вежливо приняты, а с деньгами дело обстояло сложнее. Лизонька не захотела оскорблять гордость князя и решила отдать их княгине. Естественно, та отказывалась из последних сил. Согласились на том, что деньги взяты в долг.

Ну и слава богу! Теперь снаряжение Ксаверия пошло более споро. Была куплена достойная лошадь, вызванный из Варшавы портной соорудил будущему воину великолепный мундир. Тетка Агата всплескивала коричневыми ручками и шептала в экстазе: «Красавец! Нет, вы посмотрите, какой красавец!»

Когда до отъезда Ксаверия в армию осталась неделя, не более, обителю замка взбудоражило неожиданное событие. В их округу прикатила немецкого образца карета в сопровождении странной крытой телеги, называемой катафалком. Карета принадлежала молодой даме, ее сопровождали пятеро мужчин, по виду – слуги. Остановились все в «Белом ведре». Выяснилось, карета прибыла из Парижа. Дама явилась в Польшу, чтобы перевести на родину останки Виктора де Сюрвиля, рыцаря.

На руках у дамы была по всем правилам оформленная бумага, которую она готова была предъявить всем и каждому. Но предъявлять ее было некому. Все были уверены, что приехавшие люди имеют право на вскрытие могилы, была бы охота. Заглянул в бумагу только ксендз, и то не из канцелярского рвения, а из-за исключительной настойчивости дамы. В бумаге она прозывалась ближайшей родственницей покойного и вдовой. Правда, фамилия у нее была не Сюрвиль, а какая-то другая. Но это все тонкости. Народ тут же прозвал ее «безутешной вдовой» и искренне сочувствовал ее горю.

Получив все эти сведения, княгиня Гондлевская ужасно всполошилась, считая, что обязательно должна принять француженку в замке. Ведь павший смертью юноша принадлежал к высокому роду. Всем этим желаниям князь дал жестокий отпор, сказав, что «это еще как посмотреть» и что быть может именно рыцарь и есть виновник смерти их сына Онуфрия.

– Знать их не хочу! Эти люди никогда не переступят порог моей обители! – громыхал он у себя в кабинете, но на следующее утро вдруг помягчел: – Не мешало, однако, чтобы кто-то из нашего дома присутствовал при выемке останков. Пусть это будет знаком примирения двух враждующих сторон.

Какие там «враждующие»? Слово Франция сейчас было святым для любого честного поляка, а князь Гондлевский не хотел подавать кому-нибудь повод подозревать себя в симпатии к этому выскочке саксонцу, которого Россия уже назвала Августом III.

Кроме как Ксаверию «примирять враждующие стороны» было некому. О дне и часе скорбной процедуры он был оповещен заранее.

«Вскрывать могилу... бррр... Это же надо такое удумать? Лежит в земле мертвец, ну, и мир праху его! Или польская земля хуже французской? И погода с утра не заладилась. Холодно, сыро... Промерзнет там до костей. И еще придется утешать вдову, которая будет непременно рыдать и заламывать руки. И вообще, кто вскрывает могилы зимой? Лета не могли дожидаться, не терпится им. Ну вот, еще и снег пошел».

С такими мыслями ехал Ксаверий в тряской карете на кладбище. Грязь летела из-под копыт лошадей.

У костела молодого князя встретил ксендз. Снег уже валил как на Рождество, и ни какая-нибудь мелкая крупа, а полновесные пушистые хлопья. И сразу кладбище и аллеи меж могил приняли прибранный вид. Раскисшие в лужах листья опушились нарядным узором, могилы словно белыми полотнами прикрыли, в протянутой мраморной ручке ангела намело уже холмик – полновесный снежок слепить можно.

– Ох, как не хочется мне все это видеть, – пожаловался Ксаверий ксендзу.

– Вам это и не обязательно, – ответил священнослужитель, в голосе его прозвучало не только смирение, но и полное понимание. – Насколько я понял их сиятельство князя, вы только должны высказать соболезнование родственнице покойного. А сама процедура может происходить без вас.

– Так приезжая дама не жена Сюрвиля?

– Я и сам этого не понял. В документе она прозывается одновременно и вдовой и родственницей.

На этом разговор и кончился. Они уже подходили к мес ту назначения.

Народу у могилы собралось довольно много. Здесь были заезжие французы, конечно хромоногий сторож Яцек, видно, он уже принял с утра, рожа так и полыхала, тут же стояли

его дружки, могильщики с лопатами, и просто зеваки, не желающие пропустить интересное зрелище. Несколько поодаль, выделяясь на снегу, словно клякса на скатерти, сидела черная собака.

Ксаверий нашел глазами вдову, но, прежде чем сделать шаг, застыл в изумлении. Ну, я вам скажу, панове!.. Мадам Шик – вот как бы он назвал ее. Конечно, она могла позволить себе не носить траур, ведь больше года прошло со дня смерти Виктора де Сюрвиля, но, право слово, на кладбище можно было одеться поскромнее. Словно атласная бабочка опустилась на заснеженные могилы и распустила свои красные, цвета спелого граната, крылья. Да и не похожа она на мадам, молоденькая, совсем девчонка. Как называется это одеяние? Ему ведь говорили... Контуш, вот как это называется, водопад складок, ниспадающих на широкую юбку. А может, если накидка мехом подбита, она называется просто плащ? Или, скажем, мантилья? Из-под капюшона на лоб выбился непокорный локон, наверное на солнце он рыжий. Лицо премиленькое, но главное его украшение – глаза: длинные, аж на висок залезли, блестящие и неопределенного цвета. Последней мыслью было: «Видно, мой удел влюбляться во вдов». Ксаверий подошел к даме и склонился в изящном поклоне.

Разговор был быстрый, рваный. Ксаверий представился, выказал соболезнование, предложил помощь. Дама очень вежливо поблагодарила, от помощи отказалась. У нее был высокий, вибрирующий голос. Решив, что ее речь звучит неуместно звонко, она перешла на шепот.

Ксендз кончил читать молитву. Лопаты могильщиков вонзились в землю. Вначале вынули деревянный крест и положили его меж могил. Снежинки падали на личико неутешной вдовы, и она быстрым движением натянула на лоб капюшон. Черная собака вдруг подошла к самой могиле, села по-хозяйски и, вскинув морду завывала.

Это было так неожиданно, что могильщики прекратили свою работу, Яцек судорожно перекрестился, французы что-то залопотали негромко, а Ксаверий даже всхлипнул от неожиданности. «По спине пробежал холодок» – слова эти не просто литературный прием. Мышцы спины действительно вдруг напряглись, как-то зябко стало. Противное состояние! Он осторожно посмотрел на вдову. Она оставалась совершенно невозмутимой. В этот момент Ксаверий понял, что глаза у нее зеленые и, как ни странно, слегка косят. Впрочем, это ее не портило.

– Чья собака? – негромко спросил ксендз. – Уведите ее отсюда. Зачем нам этот концерт?

Никто не отозвался. Могильщики заглубились уже по пояс и дружно выбрасывали землю на поверхность. Слава богу, настоящие холода еще не наступили, копать было легко. Собака продолжала выть, и только когда лопаты стукнулись о крышку гроба, она вдруг смолкла и вскоре вообще исчезла.

– Может быть, вам лучше уйти, сударыня? – шепотом спросил Ксаверий. – Я к вашим услугам.

Дама ничего не ответила и даже не взглянула в его сторону. Ксаверий достоял до конца всей процедуры. Неожиданно возникший скандал как-то прошел мимо него. Во всяком случае, ему никто вопросов не задавал, и он решил не вмешиваться.

– Бедный Виктор, бедный Виктор, – твердила неутешная вдова, левую ручку ее скрывала муфта, правая держала крохотный платочек, который и не думала подносить к сухим глазам.

А Яцек, главный герой скандала, твердил, что «здесь не чисто», что «он давно заметил – плохая могила».

– Я сам видел голубой свет... вот! Эдак венчиком стоит над могилой и переливается таинственно. А люди говорят, что выходит сей рыцарь из могилы и бродит по ночам. Может, он вообще оборотень. Откуда здесь черная собака? Ведь ничья, а спина гладкая и шерсть блестит.

Оставалось только надеется, что дама не понимает по-польски. Ксаверий махнул на все это действие рукой, пятясь выбрался из толпы и отбыл в замок.

До отъезда в армию оставалось всего ничего. Будущее уже не страшило Ксаверия. В конце концов, армия ничуть не хуже палестры. Еще успеет он насидеться за канцелярским столом. О том, что его могут убить, он вообще не думал.

С Лизонькой ему удалось попрощаться отдельно. Резная парадная стена покрылась инеем, из-за чего изваянные на ней люди и птицы, дельфины, пальмы и прочая жизнь смотрелись особенно выпукло. Лизонька гладила пальчиком каменные крылья и шептала с придыханием:

– Счастья вам, Ксаверий. Вам и вашему дому. Я полюбила Польшу. Жаль, что мы больше не увидимся.

– Ах, милая Лизавета Карповна. Все в руках Господних.

– Вы верите, что мы еще встретимся?

– И пусть она будет более радостной, чем это прощанье!

– Можно я вас поцелую? – спросила вдруг Лизонька и, не дожидаясь ответа, коснулась губами щеки Ксаверия, смутилась и тут же начала мелко крестить его грудь.

Вот и все. Прощай, родимый дом! Уже на подъезде к Варшаве произошло незначительное, но удивившее Ксаверия событие. Выскочив из дубравы, куда он забрался, чтобы сократить путь, он прямо носом уткнулся в задок кареты, которая показалась ему знакомой. Как же так? Еще вчера она вместе с катафалком отбыла во Францию, а теперь, как ни в чем не бывало, катит в противоположном направлении. Слюдяное оконце было не зашторено, и Ксаверий увидел в глубине кареты знакомый контуш гранатового цвета и отороченный мехом капюшон. Ксаверий хотел было поздороваться, но передумал, обогнал карету и во весь дух припустился к столице.

2

– Святые угодники, вот уж кого не ожидал здесь увидеть? – воскликнул Шамбер, со вниманием рассматривая стоящую в дверях стройную фигурку. – Мадам де ла Мот собственной персоной. Какими судьбами?

– Не претворяйтесь, Огюст. Вас должны были предупредить о моем приезде.

– Кто меня мог предупредить? Я пленник, Николь! – Он поправил забинтованную, неправдоподобно толстую ногу, которая лежала на подушке, поморщился, то ли от боли, то ли от собственного непрезентабельного вида, шумно вздохнул и откинулся на пуховики.

Если бы у Ксаверия достало терпения и любопытства и он въехал бы в Варшаву вслед за каретой и не поленился бы петлять по извилистым улицам с тем, чтобы добраться до незаметного особняка, примостившегося на задах монастыря бернардинцев, он несомненно узнал бы в приехавшей мадам де Мот красавицу, которую мысленно прозвал «неутешной вдовой».

Она решительно вошла в комнату, сбросила плащ и подошла к топившейся печи.

– Устала, замерзла, – проворчала она негромко. – Прикажите принести что-нибудь горячего.

– Я здесь не приказываю. Я только подчиняюсь, – весело отозвался Шамбер, однако позвонил с крошечный колокольчик.

На дребезжащий призыв тут же явился слуга, косая сажень в плечах. А через несколько минут он уже вернулся с подносом, на котором стояли жаровня с кипятком, чашки, уже заваренный чай и лежали соблазнительного вида булочки с маком. Затем он добавил к натюр-морту еще пузатую бутылку вина и два бокала со старинной чеканкой.

Шамбер смотрел на гостью с насмешливой улыбкой, но видно было, что он рад ей несказанно. Даже худые, с прозеленью щеки его не скажешь, что порозовели, но приняли какой-то теплый, живой оттенок. Он был болен, очень болен, и ему немало труда стоило играть в беспечность.

Разумный читатель и без авторского объяснения догадался, а проще сказать, вспомнил, что на Шамбера ночью в лесу напали представители двух могучих польских кланов, которым он так опрометчиво послал одинакового содержания письма. Письма эти различались только фамилией адресатов. Вельможному пану Вышневецкому сообщалось, что предназначенные для выбора короля деньги переданы в руки вельможного пана Стадницкого, пана же Стадницкого из Каменца, в свою очередь, уведомили, что Франция не рассчитывает на его услуги и сочла за благо передать всю сумму (двести тысяч в золоте и алмазах) более надежному пану Вышневецкому.

Оба адресата поверили этим письмам. Им бы встретиться и поговорить начистоту. Но время было трудное. Как берег с берегом не сходится, как не сливаются в одном русле намерения Явлинского и Чубайса, так и не могли встретиться пан Вишневецкий с паном Стадницким. Да и о чем говорить, если один борется за свободу и счастье родины (и это истина!), а другой есть продажная шкура и вор! Примерно такими же категориями мыслил и оппонент.

Но судьбе было угодно, чтобы паны сошлись не в разговоре, а в драке и, брэнча саблями, прокричали в лицо друг другу все обидные слова. Тут все и разъяснилось. Поборники справедливости тут же написали общее гневливое письмо в Париж, но на этом не успокоились, а провели собственное расследование. Князь Гондлевский подсказал им имя – Шамбер.

Сами паны из-за солидных лет на разборку не поехали, послали сыновей с охраной. Убить подлеца, кожу с живого содрать, да я вот этой рукой сам всажу нож! И всадил, а потом охал всю дорогу, пока вез бездыханного Шамбера в крестьянской телеге – только бы не помер, сердечный, и не унес собой в могилу тайну пропавших денег.

До Варшавы француза довели живым, но он был плох, очень плох. Догадались только посадить у одра человека, чтобы он слушал и записывал горячечный бред. Но ничего толкового не услышали. Шамбер все время твердил о покойном Викторе де Сюрвиле, просил у него прощение и даже упоминал о грядущей встрече. Оно и понятно. Все мы там встретимся.

Мог бы кое-что разъяснить спутник Шамбера, захваченный в ночной перестрелке. Но по дороге в Варшаву негодник сбежал. Как выяснилось позднее, он был всего лишь камердинером, а со слуги какой спрос. Когда Шамбер очухался настолько, что, глотая живительный бульон, узнал о побеге негодника, то не выказал ни радости, ни огорчения. Стало быть, и для дела невелика пропажа.

Поправлялся француз медленно. Рана, которая почиталась смертельной, благополучно затягивалась, но обнаружилась новая напасть. На вторую рану в мякоть ноги лекарь вначале и внимания не обратил. Шпага не задела кость, была неглубокой. Членовредительство вроде незначительное, но пошло воспаление. Появилась краснота, которая с устрашающей быстротой поползла вверх. Лекарь после осмотра больного закатывал глаза и твердил про «антонов огонь», то бишь гангрену.

Несмотря на болезнь, пленника допрашивали часто и жестко. Главные вопросы были – где деньги и кто писал вышеозначенные письма? Шамбер не просто все отрицал, он забалтывал любопытных поляков. Деньги вез Сюрвиль, а сам он поспешал в Россию и о письмах узнал случайно от посла французского Маньяна. Кем был убит несчастный Сюрвиль, он не знает, и думает, что вам, господа хорошие, это лучше моего известно. А в местечко N, где он был взят в крестьянской одежде, его привели дела службы. Служба эта секретная, и отчет о ней он даст только своему правительству.

Дело зашло в тупик. Франция сейчас не просто союзник, но последняя надежда Польши. Как же можно требовать отчета у верного агента Парижа? Здесь уже все права на его стороне.

Тем не менее сторожили Шамбера весьма тщательно. В особняке при пленном неотлучно находились три охранника, лекарь и два человека для услуг. У вельможных панов еще не пропала надежда получить свои деньги. Охрана охраной, но связь с внешним миром Шамбер наладил. Один из слуг, соблазнившись подарком (всего-то перстень с неограниченным аметистом), а главное – щедрыми посулами, стал выполнять нехитрые услуги француза. Вначале тайно купил хорошего вина, потом бумаги и чернил, а потом отнес по указанному адресу небольшое, в ладони уместится, но толстое письмо.

Из всех возможных вариантов Шамбер выбрал самый надежный. Он послал пакет аббату Арчелли, скромному итальянцу родом из Пармы. Аббат справлял в Варшаве католические требы, и никто не знал, что год назад он за солидную сумму был завербован как тайный агент эмиссаром Испании. Хочется сразу же рассказать о задании, полученном от эмиссара, но это замедлит наше повествование. Об этом после. Монах Арчелли еще появится на наших страницах.

Послание к аббату состояло из двух писем, вложенных одно в другое. В первом, состоящем из двух строк, Шамбер умолял Арчелли об услуге. Главным было второе послание. В нем Шамбер описывал свое бедственное положение, случившееся из-за наветов врагов, называл имена обидчиков и взывал о помощи, «дабы и дальше отдавать все силы души и тела на благо отечества». Это письмо Арчелли должен был отослать в Париж.

Париж откликнулся на призыв верного эмиссара и обещал помощь. Шамбер ждал кого угодно, но не обольстительницу мадам де ла Мот, кокетку и вертопрашку. Правда, до него доходили слухи, что среди верных подданных Флери, стяжавших славы на ниве тайного сыска, была какая-то молодая дама. Что-то она там ловко обделала в Швеции, обвела вокруг пальца самого Бернхарда Горна, но ему и в голову не могло прийти, что этим агентом может быть Николь, незадачливая родственница де Сюрвиля.

– Вы в Варшаве проездом? – спросил он, проверяя свою догадку.

Николь дернула плечиком и промолчала, но по пытливому быстрому взгляду зеленых глаз Шамбер понял, что прав.

Ну и дела... В Париже у мадам де Мот была веселая слава. Года два назад, или около того, еще генерал де ла Мот был жив, Шамбер попробовал волочиться за его хорошенькой женой, но получил отпор. Николь не играла в целомудренность, а без обиняков, впрочем, очень мило, сказала, чтобы он для своих любовных утех искал кого-нибудь побогаче.

– Я бедна, дорогой Огюст, поэтому могу дарить любовь только в обмен на дорогие подарки. Я вам просто не по карману.

Вот такие речи. Николь тогда почти не видели в свете, и генерал был уверен, что женился на скромнице. Это уже потом, похоронив мужа, она являлась в трауре на балах и сводила с ума поклонников. Никакого декольте, шейку подпирала вороник из черных кружев, волосы собраны под тюрбан, как у турчанки, она умела каким-то ловким образом так закручивать шаль, что только один локон выбивался наружу. Золотой локон и еще шаловливая ножка, вдруг мелькавшая в пене черных оборок, – все это было так соблазнительно! А теперь вдруг накинула плащ и стала играть в шпионские игры. Видно, на одни богатые подарки не проживешь, а Флери платил щедро. Не плохо бы узнать, какое задание она получила на этот раз.

– Вообще удивительно, как вас пропустили ко мне? – продолжал Шамбер, попивая вино.

– Я привезла бумагу за подписью... Впрочем, это не важно. Главное, вас завтра освободят.

– Чтобы перенести в госпиталь к доминиканцам?

– Ну, не так уж вы плохи... В Данциге тоже есть хорошие лекари.

– Но я не хочу в Данциг!

– Это меня не касается.

– Уж не хотите ли вы мне сказать, что я поступаю в ваше распоряжение.

– Нет, нет! Ни в коем случае! – Личико Николь приняло надменное и несколько отвлеченное выражение, мол, у вас свои дела, у меня свои.

– Но как же я попаду в Данциг?

– Отвезут, – бросила она беспечно. – Те самые люди, которые вас охраняют, будут теперь о вас заботиться. Но все это только мои догадки. Сейчас вы должны помочь мне – советом, не действием, – она подняла указательный палец, – как мне проще добраться до Стокгольма. Подскажите, какой из зафрахтованных кораблей можно считать надежным?

– Вам ли не знать, как попасть в Стокгольм.

– Я знаю. Через Зунд или Гамбург. Но сейчас другие времена. Я никогда не ехала в Стокгольм через Варшаву.

– Неужели вы попали сюда только из-за моей скромной особы?

– Какие глупые вопросы вы задаете, Огюст. Вам ли не знать, что я не могу дать на них ответ. Польша произвела на меня отвратительное впечатление. Но Австрия – еще хуже!

Николь вдруг словно прорвало. Куда-то делись ее загадочность и значительность, она жаловалась, словно девчонка, которую монашки в иезуитском пансионе оставили без ужина. Оказывается, в Австрии у нее были трудности с французским паспортом. С выборами Станислава Лещинского все с ума посходили. Австрияки выслуживаются перед Россией и в каждом французе ищут врага.

– Вообразите, милый Огюст, мне даже пришлось поменять карету. Поскольку моя карета французского образца, то ее останавливали у каждого шлагбаума. Пришлось купить старую немецкую колымагу.

– А свою бросить? – не утерпел Шамбер.

– Заберу на обратном пути.

Николь опять страстно принялась ругать австрийские гостиницы, плохую еду, нахальных горничных. Единственная удача в пути – это толково оформленная бумага. Не будь у нее на руках этой бумаги, ее бы вернули на границу Франции. Но в парижской канцелярии нашли великолепный предлог для вояжа в Польшу. Не совсем он был ей по сердцу, но все сработало.

Шамбер с улыбкой слушал Николь. У него было замечательное настроение. Сейчас можно забыть про озноб, предвестник повышающейся температуры. Он выкарабкается! Лекарь уже три дня смотрит на него с удивлением, щупает ногу и не верит, что болезнь отступила. Кроме того, он свободен, черт подери! Он все переиграл, и путеводная звезда его сияет так же ярко, как два месяца назад. А пока... появление прекрасной де Мот весьма кстати. Костыли не помеха. Теперь у него есть деньги ей на подарки. Не удалось в октябре, повторим попытку, скажем, весной.

– И что же это за предлог такой? – спросил он беспечно.

– Ладно, расскажу. Матушка покойного Виктора пожелала перенести останки сына в свой родовой склеп.

– Что? – Шамбер подался вперед, тут же заорал от боли, больная нога съехала с подушки, а серебряный бокал с вином вывалился вдруг из онемевших пальцев и со звоном запрыгал по паркету.

– Что вы так разволновались? Это хлопотно, дорого, но в канцелярии Флери помогли со средствами.

– Да кому вообще могло прийти в голову подобное? И почему именно вас выбрали на эту роль?

– А кого? Мать Виктора не умещается в карете, в ней сто килограмм веса...

Шамбер задавал вопросы совершенно машинально. Мозг его лихорадочно работал. Он должен опередить! Но как? На костылях он совершенно не в состоянии проделать столь трудную работу и вывезти деньги. Черт, дьявол! Ему нужны помощники, а где их взять? Может, Арчелли? Он, конечно, согласится, найдет нужных людей для работы, но во сколько это обойдется? Ведь ополовинят клад, сволочи!

Он плохо слушал Николь. Она призывала Шамбера вспомнить какого-то человека Виктора – слугу с заячьей губой, которому когда-то сделали надрез, но он все равно носит усы. Именно этот слуга и взял на себя все дорожные хлопоты. А когда приехали на место, то обладатель заячьей губы был просто незаменим. И вдруг эта фраза:

– Слава мадонне, не мне надо было опознавать труп. Он первый полез в могилу. Могильщики вылезли, а он прыгнул вниз. И тут выяснилось, что крышка гроба даже не прибита.

Только тут Шамбер понял, что опоздал. Все случилось без него. Сейчас он услышит самое интересное. Удивительно, но он совершенно успокоился. Только злоба, словно обручем, давила на сердце и на лбу выступила испарина. Николь вдруг умолкла, глядя на него с удивлением.

– Вам плохо? – спросила она шепотом. – Позвать лекаря?

– Нет, нет... продолжайте ваш рассказ.

– А что продолжать? Это было ужасно. Я не удержалась, тоже заглянула вниз. Виктор лежал в гробу лицом вниз, в грязной рубашке. Как падаль, честное слово. Ксендз клялся, что похоронили по всем правилам. Ничего себе правила! Святому ясно, могилу Виктора вскрывали.

– Кто? – прошептал Шамбер одними губами.

– Вот именно – кто? Я закатила сторожу грандиозный скандал. Он совершенный идиот. И пьяный. И я плохо понимаю по-польски. Одни шипящие – пещ, беж... Сторож сказал,

что все интересовались могилой де Сюрвиля. Кто такие – эти «все»? Тут вмешался ксендз и рассказал, что в октябре в их места приезжали двое русских. И один из них год назад был попутчиком Виктора в этой злополучной карете.

– Воры, – прошептал Шамбер, откинулся на подушки и закрыл глаза. – А больше в могиле ничего не было? – спросил он вдруг.

– Огюст, вы говорите загадками. Что еще могло быть в могиле несчастного Виктора. Продолжим наш разговор завтра. На вас лица нет.

3

О, Огюст Шамбер, великий маг, чародей и выдумщик.

Как быстро он умел ориентироваться на местности!

Цепкий взгляд его сразу видел, как надо группировать силы, чтобы обмануть противника. И проигрывать он умел, не теряя при этом достоинство. А тут вдруг и потерял...

Беседуя с Николь, Шамбер держался изо всех сил, но как только остался один – дал волю своему гневу. Мало того, что он смел со стола на пол чашки и кувшин с остывшей водой и разбил бутылку вина об стену, он еще непонятно как допрыгал до окна и растворил его – воздуха не хватало, право слово. Через мокрую от дождя решетку на Шамбера безучастно смотрел чужой мир.

На шум явился слуга. «Пошел вон!» – заорал до этого кроткий пленник, и озабоченный охранник, пятась, покинул помещение. Вы знаете, что такое истинная ненависть, господа? Это не только злоба, это состояние, чем-то близкое к омерзению. Словно пугливой барышне запустили за пазуху мышью и она носится по комнате с визгом, готовая вот-вот хлопнуться в обморок. Именно такое чувство испытывал Шамбер к Матвею Козловскому. Рухнули планы на будущее, сорвалось главное предприятие жизни, все мечты прахом. В том, что мешки с деньгами украл из могилы именно Козловский, Шамбер не сомневался. Можно, конечно, предположить, что кто-то из местных, скажем дурак кладбищенский сторож или трактирщик из «Белого вепря», тот еще плут, разрыли могилу. Но это невероятно. Интуиция подсказывала, что именно князь Матвей, хитрец с лицом простофили, баловень судьбы, петиметр и злодей похитил его богатство. Ну, умник, это тебе с рук не сойдет!

Обретя свободу, Шамбер не мог ей воспользоваться. Что толку, что лекарь перестал канючить про ампутацию? Этот мясник так искромсал ногу, отрезая от икры «гнилую ткань», что вообще непонятно, сможет ли он полной силой ступать когда-нибудь на правую конечность. Без бинтов нога была худой, как палка, пальцы скрючены, словно судорогой сведены. Хорошо хоть горячка отступила, а ноге вернулась утраченная чувствительность.

Через неделю или около того после отъезда Николь к Шамберу явился молодой пан Вишневецкий и вежливо осведомился о самочувствии больного. Шамбер собрал в кулак все свои физические и духовные силы, стараясь не выглядеть жалким, и это ему удалось. Разговор вышел вполне светским. Как бы между прочим пан поведал о своем восторге по поводу того, что пленник обрел долгожданную свободу (и даже не покраснел, стервец, сам же кинжал всадил пленнику меж лопаток!). Далее тем же медоточивым тоном было объявлено, что особняк остается за Шамбером до полного его выздоровления, за ним же остается штат слуг, готовых выполнить любую его просьбу. О Данциге не было сказано ни слова.

Просьбы у Шамбера было две: бумагу, чернила и воск для печати, а также возможность гулять по городу в карете утром и вечером. О, конечно, все непременно, любое ваше желание для нас – закон!

– Поправляйтесь, – сказал Вишневецкий перед уходом.

«А как же, сукин сын!! Вам не удастся меня со света сжить», – мысленно отозвался Шамбер, а вслух сказал:

– Вашими молитвами... благодарю вас.

И что теперь? Ближайшая задача – встать на ноги, а это значит лекарства, свежий воздух, хорошая пища и спокойное состояние. Об эмоциях надо на время забыть, эмоции для Огюста Шамбера – непозволительная роскошь. В состоянии полной безмятежности будем решать главную задачу – как сокрушить Козловского и вернуть деньги.

Для этого, как минимум, необходимо вернуться в Россию. Это сложно. Дипломатические отношения прерваны, идет война... В том, что Козловский прикарманил вырытое из

могилы богатство, Шамбер не сомневался. Предстоящая игра сулила сложности. После зрелого размышления Шамбер решил косвенно привлечь к интриге Бирона. Если придется прибегнуть к шантажу, имя всесильного фаворита – лучший гарант.

На этот раз он написал одно письмо, но для верности сделал с него копию. Нанося на бумагу буквы, Шамбер благодарил Бога, что шпага проткнула ему правую ногу, а не левую ладонь. Впрочем, он и правой рукой мог подделать почерк, но в данном случае игра должна была быть беспроегрышной.

И письмо, и его дубликат необходимо было отправить в Париж. Адресат был частным лицом, жившим на той же улице, где находилась канцелярия Флери. Текст послания, равно как и пароль в конце, сообщал с полной достоверностью, что письмо писано в Петербурге господином В., русским, из близкого ко двору круга. Шамбер хорошо знал агента – любителя, скупого рыцаря, из-за копейки удавится. Писал он редко, но метко, в Париже его ценили. И сообщал этот агент В., что деньги, отправленные год назад для польских нужд, отданы тайно в руки их сиятельству графу Бирону. Далее... «достоверно известно, что их сиятельство за те деньги Франции благодарен и готов служить ей верой и правдой».

В чем значение этого послания? На этот раз Шамбер решил использовать и личные каналы аббата, и обычную почту. Пусть одно письмо пойдет в Париж непосредственно из Австрии, а дубликат с почтовой каретой из Варшавы. Уж какая-нибудь депеша точно дойдет до места, но главный смысл был в том, что о содержании письма узнают не только в Париже, но и в Петербурге. Шамбер делал ставку на австрийский «Черный кабинет».

Считается, что читать чужие письма стыдно. Традиция эта очень устойчива, что даже непонятно, из каких далей таких она перекочевала в наши дни. Но государство испокон веков смотрит на эту привычку иначе: читать чужие письма необходимо, дабы эта практика способствует усилению власти и помогает избежать многих бед, этой власти грозящих. Поэтому сразу же, как только возникла почта, началась государственная перлюстрация писем. Далее эта наука совать нос в чужие дела совершенствовалась, а в XVIII веке достигла истинной высоты.

И в России существовал «Черный кабинет». Он появился стараниями канцлера Бестужева, и последний при помощи перлюстрации смог сокрушить многих врагов России, мнимых и явных, а также извлечь личную выгоду. Неудобного маркиза Шетарди, французского посла и, кстати, любимца Елизаветы, Бестужеву удалось выслать из Петербурга в двадцать четыре часа. И все благодаря тому, что канцлер принес императрице выдержки из депеш Шетарди в Париж. На словах-то маркиз был льстив и угодлив, а в дипломатической депеше разоткровенничался, написал, что государыня проста, ленива, любит простые щи, спит где попало и прочая, прочая...

Благодаря «Черному кабинету» канцлер Бестужев и удержался на своем посту семнадцать лет. Но если посмотреть на историю почты объективно, то в первой половине XVIII века пальму первенства в умении вскрывать чужие письма надо отдать двум государствам: Франции и Австрии. Вот уж филигранно работали там подданные!

Работники этой секретной канцелярии были не прос то обеспеченные, а богатые люди, но словно обитатели нашего Арзамаса, жили в золотой клетке. За их частной жизнью был обеспечен негласный надзор, они дважды принимали присягу, не имели права выезжать из города, поддерживать родственные связи и заводить новые знакомства. В Австрии должность перлюстраторов вообще передавалась по наследству, то есть сына с младых ногтей приучали к тайне и умению ее хранить.

В Париже «Черный кабинет» – это неприметный особняк на тихой улочке, он всегда заперт, в нем трудятся пять-шесть сотрудников – не больше. В Австрийской империи сеть почтовой секретной службы была раскинута на более обширное пространство. Она называлась «Тайная канцелярия кабинета». В крупных городах каждая почтовая станция имела

«почтовую ложу». Ложисты, как их называли, проводили тщательную сортировку получаемой корреспонденции, отбирали письма, которые могли представлять интерес. Затем, уже в условиях лаборатории, удалялась печать, с текста делалась копия, потом письмо опять запечатывалось и отправлялось по адресу.

Интерьер секретной лаборатории напоминал подвал алхимика. Стеллажи, бюбитры, колбы, перья, кисти, чернила обычные и бесцветные, горелки. В шкатулках хранились подушечки для оттисков, они изготовлялись из специальной мастики или хлебной мякины, пропитанной связующим составом. Кроме того, здесь имелись всевозможные печати, бумага любого цвета и формата – всего не перечислишь.

Перед вскрытием письма с его печати мягкой амальгамной пастой аккуратно делали оттиск. Затем, чтобы размягчить печать, письмо укладывали на тонкую решетку с горелкой. Печать удалялась тончайшим лезвием. По прочтении письмо опять запечатывалось точно такой же печатью и покрывалось тем же лаком. Во Франции даже королева-мать жаловалась, что почта беззастенчиво читает ее письма. Шамбер тоже был уверен, что и его письмо не оставят без внимания.

Все так и получилось и дало свои результаты. Но об этом после.

4

«Господи, какая сопливая погода стоит в ненавистном городишке Данциге, а также в пригородах его! В отечестве в марте не в пример веселее. По подоконникам стучит капель, сосульки блестят, как драгоценные сережки. Дороги еще не развезло, по накатанному пути сани сами катятся, а тут хляби, грязи и топи. И черта я бросился за солдатами вытаскивать гнусную телегу? Одно название – провиант, а на деле под дерюгой всего лишь гнилые сухари да подмокшая ржаная мука. Изгваздался под самую маковку, да еще, идиот, ноги промочил. Теперь жди простуды. И еще жрать охота, а от вчерашнего гуся осталась одна тощая нога» – так думал Матвей Козловский, валяясь на неприбранной кровати и пялясь в мутное оконное стекло, по которому, резво догоняя друг друга, бежали капли дождя. Слезающееся оконце натолкнуло на мысли о Клеопатре. Сестра вот эдак же умела слезы лить, откуда только в женском организме скапливается столько влаги?

Сейчас Клепка небось не плачет, живет в Отарове и радуется. Славная мыза! Правда, все требовало починки, и сестра, засучив рукава, бросилась в работу: полы в угловой комнате перестелить, оконца на пролив пошире прорубить, обои сменить и прибить не абы какими гвоздями, а с медными шляпками, и еще высотой в аршин замострачить панель из темного дерева. Князь Матвей и не предполагал в Клепке такой хозяйственности. Родион только руками разводил и посмеивался – в доме у нас Клепушка хозяйка, как она задумала, так и будет. Сейчас, наверное, сидят в теп лой горнице возле печи. Печь у них славная, с уступами и колонками, вся изукрашена синим изразцом. Сидят у печи и смотрят на залив. Закатное солнце освещает стволы сосен, лед на заливе бирюзовый. Красиво...

Погодите, дайте сообразить. Дома ведь сейчас Масленица! Матвею представился золотистый, только что снятый со сковороды блин. Он мысленно расстелил его на тарелке, плюхнул ложку мысленной сметаны и аж застонал от тоски.

Полк Матвея – полевой драгунский – прибыл на позиции без малого месяц назад. Разместились вполне благополучно. Матвей обосновался рядом со штабом в местечке Пруст в версте от города. Что там не говори, а квартиры у офицерских чинов вполне приличные. Про солдатское жилье такого не скажешь, но на то он и солдат, чтобы полной мерой нести тяготы военной жизни.

Впрочем, солдат тоже жалко. Какое им дело до экс-короля Станислава Лещинского, который укрылся за стенами Данцига и ждет теперь военной помощи от Франции, чтобы вернуть потерянный польский трон.

Командующий русской армией, человек достойнейший, генерал Ласси, не мог привести под стены Данцига большую армию. Несмотря на то что в Польше сейчас находилось пятьдесят тысяч русских солдат, Ласси взял на осаду мятежного города всего четверть от общего состава. Двенадцать тысяч – это же курам на смех! Откуда взять больше? Варшаву нельзя оголять. Там хоть и признали королем Августа III, но конфедераты, сторонники Лещинского, только и ждут своего часа, чтобы нанести ответный удар.

Кажется, зачем ввязываться богатому Данцигу в польскую смуту? Уже триста лет зовется он вольным городом. Это раньше Данциг подчинялся ордену крестоносцев, а после Грюнвальдской битвы город перешел под протекторат Польши и получил большие привилегии. Теперь Данциг сам выбрал себе чиновников, имел право судить своим судом и сам чеканил монеты, был свободен от пошлин и налогов. У города также было право выбирать польского короля и самостоятельно решать вопросы войны и мира.

И Данциг воспользовался своим правом, он, вишь, доверяет больше Франции, чем России, а потому Лещинский сидит за крепостной стеной, окруженной валом с двадцатью двумя бастионами, и еще вром, наполненным водой. Две ошетилившиеся пушками цита-

дели, Бишофсберг и Гегельсберг, берегут былую славу Лещинского, выкури его из Данцига, попробуй. Дело совсем не кончено, господа!

Теперь в русском стане все ждут нового главнокомандующего. Развели немыслимую секретность. Из Петербурга пришла депеша, де, едет с тайным поручением и ревизией артиллерийский полковник Беренс. Через два дня вся армия знала, что никакой это не Беренс, а их сиятельство граф Миних изволят приехать. И никакого тебе «Черного кабинета», которым так славятся цесарские и прусские дворы, никакой тебе перлюстрации писем, а все простая русская душа и болтливый язык, а еще скука смертная в купе с надеждой на лучшие времена.

Стукнула дверная колотушка, где-то в отдалении залопотали по-немецки, а потом прямо в горницу, широко ступая грязными сапожищами, ввалился Васька Крохин. Вид у подпоручика был как с большого бодуна, на воротнике сальное пятно, словно маслом капнули, вызолоченный крючок на епанче вырван с мясом и держится на одной нитке, но выражение лица радостное, восторженно приподнятое.

– Матвей, слышал новость? Миних уже в Мемеле. Завтра-послезавтра будет здесь. Вначале смотр по всем правилам, потом совет, потом попируем, как люди! Уж наверняка с Минихом провиантский обоз идет.

– Разевай рот шире. Какой обоз, если Миних морем приплыл? И на пьянку не рассчитывай. Я характер Миниха знаю. Сейчас начнет орать и глаза выкатывать. До него все делали неправильно, один он знает, как правильно делать. Ты бы, Вась, сапоги снял, поберег хозяйские половики. Хозяйка на меня и так Змеем Горынычем смотрит.

– И пусть! Нечего нам с ними церемониться! Они нашего Августа за короля не признают.

– Каждый волен выбирать, кого хочет.

– Вот я уже и выбрал, – Крохин подмигнул заговорщицки и вытащил из-за пазухи водоносную фляжку, как говорится, «у него с собой было».

– Закусон есть?

Сели, «как люди», выпили, закусили. С одной фляжки не напьешься, но настроение поднимешь. Нет, господа, жить можно! Васька хоть и человек ума недалекого, но верный товарищ, в карты не передергивает и если попросит в долг, то непременно отдаст. И с денщиком Матвеем повезло. Как его там... Егор, нет, Евграф. Огромный детина, косая сажень в плечах, а одышливый. И еще альбинос, волосы, брови – все белое. Видно, со здоровьем у него не все в порядке. Но не комиссовать же его в военное время. Это он на поле брани задыхается, а когда за гусем гонится, то поспешает замечательно. Матвей с полным нашим удовольствием купил бы этого гуся, но ведь не продают, вражьи души. Вчера Евграф злополучную птицу так ловко ощипал и зажарил. И еще, оказывается, шей наварил и фасоль потушил с потрохами.

– Ты бы, Вась, привел себя в порядок. Миних первым делом смотр войскам устроит, а ты весь какой-то расхлюстаный.

– Пора уж, я и сам чувствую. Одолжи на недельку Евграфа, а? Пусть он моей амуницией займется.

Тут самое место рассказать еще об одной особенности белобрысого денщика. Он был известный в полку аккуратист и знал досконально вооружение и обмундирование полков гвардейских, пехотных полевых, полевых драгунских, кирасирских, а также про ландмилицию. Разбуди его ночью и спроси про малый приклад, он тебе одной фразой отрапортует: «Малый приклад есть патронная сума с жестяной для патронов и двумя железными кольцами на боках для прикрепления лосиной перевязи, а также натруска в виде рога с медной оправой для насыпания пороху, а также водоносная фляжка из двойной жести с

четырьмя яловочными ремнями...» Не забудет и медный шомпол к фузее, и штык, и замочную завертку... ну и все!

Или вопрос посложнее: «Какова форма рядового фузелера пехотного полка?» И тут же подробный ответ, в устав заглядывать не надо: «Рядовой фузелер имеет темно-зеленый кафтан, с отложным воротником, обшлагами, оторочкою петель и красным подбоем. Камзол, штаны и епанча красные же; последняя с верхним воротником и подбоем синим. А также белые, холстинные штіблеты с белыми же, обтяжными пуговицами и белыми подвязками. К рубашечным рукавам манжеты. Башмаки тупоносые, а для походного времени сапоги. Шляпы обшиты по краям полей шерстяным галуном в полвершка шириною без шнура, а на левой стороне у верхнего края назначено иметь белый шерстяной бант или кокарду с медною камзольною пуговицею».

Евграф был записан в солдаты еще отроком и начал свою военную карьеру в доме известного генерала, здесь же он самостоятельно выучился грамоте, пристрастился к рисованию и еще забил голову кучей ненужных знаний. Генерал был членом Военной комиссии, которая занималась переустройством и улучшением армии. Чиновники писали циркуляры, штабные писари старательно переписывали их, а художники усовершенствовали военные костюмы, скругляя поля шляп, перенося опознавательные кукарды слева направо, меняя цвета офицерских шарфов, а также внося новые подробности в полковые гербы и штандарты.

За какую-то провинность Евграф был сослан, как говорили тогда, на театр военных действий. Он попал в совершенно новые условия, где носили мятые кафтаны, нечищенные сапоги, забывали пудрить парики и правильно обвязывать косы на затылке. Здесь они не оплетались, как положено по уставу, черной кожей, а заматывались дрянным вервием. А холстинные штіблеты-манжеты, а галстуки – ведь одно название, что белые! Срам, да и только. Но знания-то об идеальной армии остались, их просто так из головы не выметешь. Сейчас сказали бы – хобби. А денщик, хоть и не любил воевать, находил особую красоту в военном строе и выправке.

Обмундирование Матвея Евграф содержал в образцовом порядке, но лишней работы не любил, а потому просьба Крохина как бы повисла в воздухе, не поддержанная толковым ответом.

Крохин ушел глубокой ночью. Матвей тут же завалился спать. Он уже видел сон – все луга какие-то да ручьи с изящно изогнутыми мостками, отдаленно напоминавшие женское бедро, – когда от приятного зрелища оторвал его непонятный звук. Со сна Матвей не сразу сообразил, что стучали не в дверь, а в окно, стучали мелко, настойчиво, и стекло методично позвякивало, как плохо притороченная в повозке посуда.

Матвей всмотрелся в сумрак. Неведомый мужик в круглой с малыми полями шапке знаками просил, чтобы он открыл окно. Но это уж что-то совсем выходящее из ряда! Матвей показал мужику кулак, но тот вскинул руки, как бы показывая, что не вооружен и вообще не имеет плохих намерений, и вдобавок соорудил гримасу, отдаленно напоминающую улыбку. Темно ведь, не разглядишь, скалится он, подобно волку, или полон радушия.

Что делать, пришлось открыть. Вместе с мартовским холодом через окно как-то очень ловко и неслышно перевалилась фигура пришельца, одетого в какую-то дерюгу, словом, очень невзрачного. А по выговору отнюдь не крестьянин. Гость еще вторую ногу до полу не донес, а уже зашептал, поднося палец к губам:

- Тихо, только тихо. Дело секретное. Князь Козловский, я не ошибаюсь?
- Ты кто? – тупо спросил Матвей, пытаясь зажечь свечу.
- Ой, трудно я до вас добирался, – прокряхтел незнакомец, не отвечая на вопрос.
- Да зачем я тебе понадобился?

– Тихо, не кричите. Вот бумага. В ней написано, ваше сиятельство, что вы должны помогать по мере сил подателю сего.

– Я никому ничего не должен, – отчеканил Матвей ледяным тоном, но звук все-таки приглушил. – Извольте, сударь, – он особенно напирал на это обращение, – назвать себя или я вас выставлю вон.

– Зря вы горячитесь. Я агент на службе государства Российского. С вами я знакомства не имел, но с Родионом Андреевичем мы славно послужили Отечеству. Петров моя фамилия.

– А... Так вы тот самый?..

– Тот самый.

Матвей вдруг страшно обиделся: и на судьбу, и на дождь за окном, и на неприступный Данциг, а более всего на этого невзрачного человечка, на котором крестьянская одежда сидит так, словно он ее век носил. Шляпа мокрая, руки от холода красные, как гусиные лапы, а рожа выражает полную невозмутимость и довольство собой.

– К делу тайного сыска я никогда касательства не имел... Я дворянин, поручик, воин, если хотите. А то, что мы с Родькой ездили в Польшу с тайным заданием, еще ни о чем не говорит. Я тогда просто шкуру свою спасал.

– Это понятно, ваше сиятельство. Но ведь жизнь как устроена. Кто хоть раз шкуру свою в ломбард снес, тот непременно еще раз понесет. И становится сей человек как бы вечным должником. Вы не переживайте так. Кто-то ведь должен во время войны нашим информацию поставлять. И смею вас заверить, этим занимаются вполне достойные люди.

Сам того не ведая, Петров перефразировал одного из лучших агентов своего времени – Даниеля Дефо. Автор Робинзона Крузо сказал: «Шпионаж и сбор информации – это душа государственных дел!»

Но Матвею не хотелось вникать во все эти тонкости. Он с грустью смотрел на пламя свечи и думал – что потребует у него этот невзрачный человечек? Может быть, надо будет сейчас вместе с ним выйти в ночь и бежать куда-нибудь по темной дороге, а то и ползти ужом по грязи, высматривая из-за кочки продвижения за вражескими редутами. Но Петров повздыхал для приличия, а потом не выдержал:

– У вас пожарать чего-нибудь нет? Горяченького... Я последний раз утром ел.

Сговорились они все, что ли? Матвей заглянул в котелки. Фасоль выскребли до дна. Но щи были еще теплыми. Краюха хлеба не то чтоб очень велика, но на перекус хватит.

– Мне, конечно, с Родионом Андреевичем было бы сподручнее, – разглагольствовал Петров, ловко орудуя ложкой. – Надежный человек, но нет его.

Поел, вздохнул и перешел к деловой части разговора.

– Шамбер в Данциге.

– Так он жив? – не удержался от восклицания Матвей.

– А что ему сделается. Эта порода живучая. Хромает только. Палка у него знатная – металлическая с набалдашником, покрытым зеленой кожей. Он чуть из-за этой палки не попался, но обошлось.

– Слушайте, Петров, говорите толком. Я ничего не понимаю. Что обошлось?

– Я их сиятельством приставлен к оному Шамберу, как нитка к иголке. Моя задача следить за его поступками и передвижениями и доносить куда следует. А Варшаве Шамбер лечился от ран и жил в особняке под охраной. А с палкой вот такая штука приключилась. Шамбера привезли в Данциг тайно с крестьянским обозом. В город трудно попасть, а выйти из города еще труднее. Пускают только попов, нищих и женщин. А хромого Шамбера разве что нищим можно было нарядить. Но отказались от этой затеи. Уж очень он заметен.

– Да вы-то откуда знаете, что поляки хотели и почему отказались?

Петров поднял палец:

– Потому что внимателен и слушать умею. Я хороший агент. Так вот. Шамбер в сене сидел. Русская охрана обоз осмотрела и пропустила. Палка эта с набалдашником из сена торчала, но солдат, по счастью, ее не заметил. Сам я прошел в Данциг без помех, поскольку назвался местным жителем. Крестьянское сословие в город пока пропускают. Теперь я буду в Петербург доклады писать, а вы при мне как бы связной. Ясна задача?

«Не слабо, – прошептал Матвей и мысленно повторил по-французски, – па феблема!»

Далее Петров сообщил, что сюда вот-вот приедет Миних со свитой и канцелярией. Так вот в канцелярии у фельд маршала есть секунд-майор по имени Боборыкин. Матвей должен этого Боборыкина найти и передать ему пакет. То, что Петров называл пакетом, оказалось туго свернутыми листами бумаги, обернутыми в льняную ткань.

– Найдете Боборыкина, скажите ему такие слова: «Евграф вам с детками привет передает».

– С какими еще детками?

– Вы запоминайте, потому что это словесный, шпионский шифр.

– Ладно, запомню. У меня денщика Евграфом зовут.

– Вот и славненько. Пакет отдадите без всяких объяснений. Боборыкин сам знает, что с ним надо делать, а вам лишние знания ни к чему. А теперь я пойду, пожалуй.

5

Фельдмаршал Миних со свитой явился под Данциг пятого марта. Его сопровождал прусский конвой. Как предсказывал Васька Крохин, тут же был созван военный совет, но прошел он быстро и без надлежащей важности. Куда более ярко выглядело отправление к стенам осажденного города трубача и офицера с прокламацией. Этот документ, написанный решительно и напористо, призывал жителей Данцига немедленно отступить от Лещинского и впустить в город русскую армию. На раздумывание было дано двадцать четыре часа.

Мог бы фельдмаршал и один час дать, итог был бы тот же. Данциг уже поставил на Францию, и передумывать не собирался. Конечно, это большой риск, но стены города были хорошо укреплены, а обещания маркиза де Монти так зазывны. Обыватели поверили французскому послу и его армии и сами пошли в добровольцы. Из Парижа прибыли в Данциг французские инженеры. Швеция тоже поучаствовала в общем деле, выслала в город сто отлично экипированных офицеров.

Миних созвал второй совет. На нем он высказал мнение, что с городом надлежит поступать без всякого сожаления, то есть бомбить и атаковать. Беда только, что бомбить нечем, артиллерия еще не подошла и неизвестно, когда будет. Ласси поддержал фельдмаршала в том смысле, что мало того, что артиллерии нет, так и войска недостаточно. Необходимо перевести под стены города армию из Варшавы, а также пополнить ряды за счет саксонцев и самих поляков.

Миних со всем согласился, вздохнул и приказал строить редуты, но при этом не отказался от идеи еще раз попробовать силы. В конце недели была предпринята атака на богатое предместье Шотланд. Предместье было хорошо укреплено, и успех русских объяснялся только внезапностью нападения. Сто человек неприятеля было убито, но главное, были захвачены пушки и склад оружия. На следующих днях из этих самых пушек уже лупили по Данцигу трофейными ядрами. Были также захвачены магазины (по-нашему склады) с продовольствием. Словом, вылазка удалась.

Матвей Козловский тоже принимал участие в битве за Шотланд. Погода была хреновая, дождь лил как из ведра. На море был шторм, а потому вечер с залива дул просто с сатанинской силой. И все это ночью, господа, темно, глаз выколи! Но настроение было великолепным. Единение с солдатами, крики «ура!», эдакая резвость во всем теле и порыв! Страх, что убьют, не было, все затмил собой восторг битвы.

На следующий день, отоспавшись, но не растратив хорошего боевого настроения, князь Козловский пошел искать секунд-майора Боборыкина. Нужно, наверное, было раньше это сделать, но ноги не несли. Матвей канцелярию обходил стороной, поскольку всеми силами старался забыть, что он, князь, согласился делать карьеру на сыскном поприще. Это уж, господа, ни в какие ворота! Хотя, с другой стороны, идет война, а потому он не в праве выбирать, где служить отечеству. Шамбер этот вор, гад и дрянной человек. Но одно дело с другом Родькой за ним следить и совсем другое запоминать пароли и выполнять неведомо чьи приказания. А вообще то... ладно, не его ума это дело!

Встреча произошла в тесной проходной комнатенке рядом с канцелярией.

– Майор Боборыкин?

– Так точно. Сударь, мы, кажется, знакомы? Князь Козловский, если не ошибаюсь?

И тут Матвей вспомнил. Как же, как же, с этим самым Боборыкиным год назад, нет, уж полтора наверняка будет, они обивали порог у прелестнейшей из женщин, как бишь ее фамилия? Да и не нужна фамилия, имя запомнил и хватит. Настасья Григорьевна ее звали. Веселое было время! Компания собралась человек семь-восемь. Карты, музыка, даже танцевали на крохотном пятачке. Гостиная у прекрасной была немногим больше, чем стойло в

конюшне. Этот Боборыкин, верзила с постной физиономией, все норовил читать стихи собственного сочинения. Были в тех виршах «амуры, розы, грудь Дианы, лира сладострастная и мысли летящи». Хорошие стихи.

И вот теперь Матвей должен сказать столичному пииту дурацкую фразу про Евграфа, которая суть пароль.

– Вот ведь встреча! – продолжал Боборыкин. – Я и не знал, что вы здесь, так сказать, в первых рядах.

– Вместе будем воевать...

– Не получится, – сказал штабист с явным сожалением. – Я днями уезжаю назад в столицу. Сопровождаю курьера при депеше фельдмаршала.

– Депеша, значит, – проблеял Матвей. – Здесь вот какая штука. Вам имя Евграф что-нибудь говорит? Так вот, оный Евграф вам привет передает. И не один, а с детками. Вот так правильно будет.

Пиит вдруг смутился, покраснел, потом опустил на лавку, словно ноги его не держали. «Что это он? Испугался?» – подумал Матвей и опять завел, старательно выговаривая слова, словно разговаривал с ребенком или иностранцем:

– Или вы меня не поняли? Евграф с детками...

– Да понял я все, понял! – прикрикнул Боборыкин и прошептал Матвею в ухо: – Давайте вашу цидулку.

– Почему это – мою? – надул губы Матвей. – Меня просили передать, я передаю. И писал не я... – Он вытащил послание Петрова из кармана.

Какой-то малый чин пробежал озабоченно в сторону канцелярии. Боборыкин сразу принял отвлеченный вид, даже засвистел что-то, пытаясь изобразить немудрящую мелодию. Как только дверь за случайным свидетелем захлопнулось, Боборыкин воровато оглянулся по сторонам, резким движением схватил тайную бумагу и спрятал под мундир.

– В следующий раз передавайте секретные послания не прилюдно, – прошипел он Матвею в лицо.

– Следующего раза не будет, – Матвей хотел сменить тему разговора и вспомнить давние совместные подвиги, но Боборыкин поспешно вышел.

Что это секунд-майор так разнервничался? Стесняется, а может, боится? Матвею и в голову не приходило, что в самой передаче секретного письма может таиться опасность. Ну да ладно. Передал бумагу, и с плеч долой. Далее будем защищать Россию на весьма отдаленных ее рубежах не таясь и с полным достоинством.

Знал бы секунд-майор содержание шифрованного письма, он бы не нервничал. Агент Петров в нем кратко сообщал, что продолжает слежку, и умолял прислать ему денег на рабочие нужды. В депеше от фельдмаршала, которую Боборыкин вез в Петербург, тоже было не много смысла и совсем мало правды. Миних писал императрице: «Каждый день с авангажем один пост за другим счастливо отбираю у неприятеля...», а на деле солдаты собирали неразорвавшиеся ядра, пущенные с данцигских укреплений. Потом из этих ядер доставали порох. Чтобы заинтересовать солдат в опасном промысле, Миних платил за каждое такое ядро по три копейки. Каждую ночь делались вылазки то с одной, то с другой стороны. Матвей вместе со всеми бежал вперед, махал шпагой, падал на землю перед летящим ядром и полз ужом, а потом возвращался в дом голодный, замерзший и злой. Ну, кто так воюет?

Но князь Козловский человек подневольный, все знают – солдат всегда прав, а виновато во всем начальство. А фельдмаршалу было трудно. Право слово, Миниха можно пожалеть. По природе своей он был работоголиком, вся его натура звала к действию, а обстоятельства, кажется, так и били по рукам.

С крепостных стен беспрестанно стреляли в русские апроши. Глупейшая история! Численность армии в осажденном городе в три раза больше, чем осаждавших. Это по всем воен-

ным законам чистый бред. Меж тем в Варшаве без дела болтается большая часть русской армии. Миних послал жесткий приказ генерал-майору Люберасу выступить с полками и присоединиться к армии Миниха.

Наконец в помощь русским пришли давно ожидаемые саксонские полки под руководством герцога Вейсенфельд-ского: восемь батальонов и двадцать два эскадрона. Они встали лагерем и тут же приступили к строительству траншей. Воевать они не торопились. В логике саксонцам не откажешь: «Вы, господа россияне, справедливо помогли нашему королю занять польский трон, за что вам большое спасибо. Но сейчас Август III сидит в Дрездене, оттуда Польшей управлять вполне сподручно, а осада Данцига и разборки с Лещинским по большому счету – дела русских. Вот пусть о них Миних и печется».

Артиллерии все не было. Пушки со снарядами могли попасть в армию двумя путями – водой и сушей. Наш флот стоял в Пилау и пока еще лишь готовится к навигации. Где-то там лед не полностью сошел. Доставить пушки сушей можно только через Пруссию, но король Фридрих Вильгельм объявил твердый нейтралитет. В Берлине послы русский и французский (Ягужинский и Шетарди) дышали королю в уши и сулили неисчислимые выгоды, но король стоял на своем – ни русским, ни французам он не в чем помогать не намерен.

Миних сам затеял переписку с Берлином и не стеснялся в выражениях. Анна в письмах отечески журила своего фельдмаршала, тем более что тон его отчетов по текущим событиям изменился. Заверения, что «солдаты всем обеспечены, а фуража хватит до травы» обернулись своей полной противоположностью. Теперь Миних писал в Петербург, что в армии нет солдат, продовольствия, пушек, пуль, пороха, рубах, обуви, медикаментов, корпии, лекарей, инженеров и подручного материала. Ну, совсем некому строить рavelины, штурмфалы и кронверки с контрэскарпами и гласисом! А французы не дремлют, того и гляди пришлют осажденному городу подкрепление.

Бирон все доношения Миниха читал и в разговоре при каждом удобном случае предсказывал предприятию с Данцигом гибель. Он говорил об этом как бы в шутку, но каждый понимал, фаворит страстно желает фельдмаршалу поражения.

- Князь, пожрать есть?
- Налим жареный.
- Откуда такие деликатесы?

Матвею не хотелось рассказывать Ваське, как пройдоха Евграф достает рыбу. На берегу Вислы русские построили редут, дабы отрезать неприятелю сообщение между городом и крепостью с гаванью Вейксельмюде. В этом месте река была узкой, суда проходили здесь с большим трудом, а заводи рядом – отменные, а там щуки, судаки и прочее. Евграф вошел во грех, украл лодку и перекрасил ее, чтоб не нашли.

- Князь, а выпить?

Ну что за напасть такая! Придешь к Крохину, спросишь:

«Перекусить что-нибудь найдется?», и он твердо ответит: «Нет». И в глаза тебе смотрит, и ты знаешь, что с этого ответа он не свернет, и не будет шарить по шкапчикам и баулам, а там разберись – правду он говорит или врет. А Матвей изведется, но последнее отдаст. Уж если совсем дом пустой, предложит сало залежалое с хлебом. И Крохин смолотит все за милую душу. Да еще добавит, мол, у тебя, князь, денщик хороший, а у меня вор. Да что у тебя, подпоручик, красть-то?

На это раз Крохин как мог, подлатал и почистил форму, но все равно сидела она на нем, словно сосед дал поносить. Худющий, как фонарный столб, лицо длинное, нос узкий с вмятиной, глаза острые, любопытные и руки непомерной длины. Этими руками только бы карпов ловить, но это Крохин делать не умеет, зато гениально выуживает другое – штабные сплетни.

– Мотыка, слышишь, – он вкусно обсасывал рыбью кость – все, пустое блюдо, – слышишь, что я тебе скажу-то. В канцелярию из Варшавы ответ пришел. От Любераса.

– Ты хочешь сказать, что знаешь, что написано в секретной депеше?

– В общих чертах. Полки из Варшавы сюда не придут.

– Да ты что? Генерал-майор Люберас подписал отказ? Но это же скандал всенародный!

– Генерала можно понять. Квартиры в Варшаве не в пример лучше, чем наши. А пока Миних рвет и мечет. И собирается отдать Любераса под суд.

– Да нам-то от этого не легче!

Словом, в русской армии начинался разброд.

К слову скажем, что Миних со временем действительно отдал мятежного генерала под военный суд, но Люберас оправдался. Ни Миних, ни штаб его, тем более Васька Крохин не знали, что барона Любераса, поступившего на русскую службу еще при Петре Великом, в его отказе вести русские войска под Данциг поддерживал любимец государыни обер-шталмейстер Левенвольде. Он был старый враг Миниха, а потому вовсе не желал последнему победы.

Плачевное состояние дел в русской армии было хорошо известно и в Париже и за стенами Данцига, а потому послужило поводом к некой аванюре, о которой речь впереди.

6

В середине апреля неожиданно для всех появился французский фрегат и встал в устье Вислы. Матвей находился тогда на болверке в аванпосту и видел этот фрегат как на ладони. Паруса французы приспустили. В подзорную трубку можно было рассмотреть людей на палубе. И вдруг на корме над однородной массой военных мундиров взвился розовый вымпел. Что за напасть? Откуда такой цвет? Батюшки мои, да там дама! И никакой это не вымпел, а розовый шарф вырвался на свободу и ветер подхватил его. Ах, беда, не рассмотреть ни лица, ни одежды. Воображение молодого человека тут же сочинило прекрасный образ. Это было легко, пририсуй только к розовому шарфу хорошенькое личико, и маленькие ручки, и кончик ножки, выглянувшей из-под бардового плаща.

Тут с берега ударили русские батареи. Матвей ждал, что французы ответят залпом, и сердце сжалось – господа, на борту женщина, ее бы надо пожалеть! Но фрегат не принял боя. По реям забегали матросы, надулись паруса, и фрегат величественно отплыл в открытое море.

Днем постреливали, так, для порядку. Вечером Матвея отпустили на квартиру, никаких ночных вылазок не намечалось. Добравшись до подушки, князь сразу заснул, но ранним утром, словно его кто-то в бок толкнул, проснулся. На востоке только наметилась полоска зари. Рань немыслимая. Матвей зевнул во весь рот и понял, что больше не заснет.

Вчера Евграф умудрился поставить у большого камня в омуте сетку. После появления французского корабля все переполошились, усилили охрану, и теперь денщик очень горевал, что солдаты не пропустят его лодку достать добычу. «Тебя не пропустят, меня пропустят», – подумал Матвей, быстро одеваясь.

Утро было влажным, теплым. Он вложил весла в уключины и тихо поплыл вдоль берега. Над прибрежной осокой поднимался туман.

– Стой, стрелять буду!

Матвей назвал пароль, услышал отзыв. Солдат на посту попался знакомый, ему и в голову не пришло спрашивать, куда это поручик Козловский направился с утречка.

Туман становился все плотнее. Черта с два он найдет в этом молоке сетку с рыбой. Ну и наплевать. Теперь уже можно сознаться, что не караси его волновали, а вчерашнее видение – розовый шарф над палубой фрегата. Туда, к гавани, он и плыл. Зачем? А затем, чтобы остаться наедине с собой и хоть на миг забыть опостылевшую войну. Зачем он торчит здесь перед польскими редутами, что он здесь потерял? Розовый шарф был напоминанием, что где-то идет нормальная жизнь, мужчины и женщины собираются в гостиных, пьют вино и кофей, а еще танцуют и говорят о любви.

Он бы тоже хотел пройтись по зале в польском танце минавете. Знал бы кто, как он соскучился по быстрому, манящему взгляду поверх веера, и нежному шепоту с обещанием встречи. А представить на миг нежную ручку в своей огрубелой ладони... Это же чудо, господа! Удивления достойно, какая нежная у них кожа. Что там ручка... Обнаженная до сосцов грудь – да здравствует мода! – так распалает воображение, что совершенно теряешь рассудок, я вам точно говорю.

Ах, этот туман! Берегов давно уже не видно, и вообще ничего не видно. Матвей бросил весла, и вода сама понесла его. Нет, так дело не пойдет. Пора поворачивать, если не хочешь очутиться в чистом море. Ладно, не отвлекайся. О чем это давеча он так хорошо и правильно думал?

Незнакомка с розовым шарфом вряд ли вышла на палубу в открытом декольте. Весенний воздух свеж, здесь и лихорадку схватить недолго.

Мысль о свежем воздухе пришла в голову весьма кстати, порыв ветра с залива вдруг охолодил лицо. Сейчас подует в полную силу, и белая мгла пойдет распадаться клочьями.

В тумане вдруг образовалась брешь, Матвей устремил туда взгляд и от неожиданности чуть не выронил весла. Давешний фрегат торчал у берега, совсем рядом. Матвей задрал голову, пытаясь разглядеть людей на палубе. Не шута, конечно, он не увидел. Только слышно было, как скрипит фонарь на корме, свет от него казался жирным пятном. Слух его уловил французскую речь. Удивительно, что туман не глушил голосов. Короткие, рубленые фразы, на воду опускали шлюпку.

Ну, вот и дождались десанта. Что делать-то? Немедленно плыть к своим батареям или проследить место, где французы высадятся? А зачем ему знать это место, если он и описать его толком не сможет. Но с другой стороны, если туман рассеется, его тут же заметят. Быть пленным враждующей армии, даже если это французы, увольте, господа!

Ладно, не надо торопиться. Туман словно ожил, обрел плоть. Серо-голубые слои, как пласты перебродившей просто кваша, двигались перед глазами. Мутно, темно, чистый морок! «На Феофана туман к урожаю на лен и коноплю», – вспомнилось вдруг.

Фрегата уже не было видно, одни лишь голоса, как бесплотный дух, висели в тумане. О чем говорят – не разобрать, слышно только, как бьют весла по воде. Не похоже, что это десант. Может быть, французы всего-то одну шлюпку и спустили? И тут Матвей услышал смех – ее смех, звонкий и переливчатый. Что-то он ей сказал, а она ему ответила, словно жемчуг россыпью бросила на серебряный поднос, а потом понятная фраза. Ах, это французское «мерси»! Коротко, как вздох, а по-русски длинно и шероховато: «Благодарю вас, господа!»

И тут он их увидел. Шлюпка ткнулась носом в песок. Даму на руках вынес на сухое место какой-то французик. Не разглядишь издали, мундир на нем или партикулярное платье. Значит, прав он был, никакой это не десант. И что удивительно, на даму Матвей почти не смотрел. И не страх был тому виной. Просто он ощущал себя разведчиком в чужом стане, а потому не мог себе позволить слюни распускать.

Все, надо сматываться. Он остался для противника невидимым только потому, что слишком их было много, все беспечно дышали, сопели, разговаривали. А вслушайся кто-нибудь, всмотришься внимательно в туманную мглу – и все, была бы тебе, князь, крышка. Матвей налегал на весла что есть силы, но в воду опускал их очень осторожно.

Назад он плыл долго. По течению лодка сама несет, а тут, поди, выгреби, на левой руке ладонь сбил до крови. Но главное, добрался без приключений, найти в тумане свой причал помог Господь Бог, а может интуиция. В минуты опасности все чувства обостряются до крайности, каждая жилочка в организме помогает выжить.

Доложил по начальству, так, мол, и так, видел в наших водах французский фрегат, который под прикрытием тумана выслал к берегу шлюпку. Но когда туман рассеялся, никакого фрегата не было. Доклад Матвея не подвергли сомнению. Один только шутник из штаба предположил: «А не был ли сей объект “Летучий голландец”?» – и вдобавок обидно подмигнул Козловскому. А все прочие приняли слова поручика с полным доверием, но ходу дела не дали.

Не до того было. Во-первых, был корабль, да сплыл, ну и что теперь? А во-вторых, случилось невероятное событие. Пока Козловский на реке прохладился, прибыли подводы с пушками. Матвей задним числом обрадовался такому совпадению. Ведь в противном случае его бы стали подробно расспрашивать о ночном приключении. Значит, вы, поручик, фрегат не с берега узрели, а из лодки. А куда вы плыли и зачем? Ах, за карасями? Не отмоешься ведь потом! И хорошо, что про даму он ни словом не обмолвился, а то бы дал пищу полковым острословам. Они бы всласть языки почесали.

Теперь о пушках. Вдруг ни с того ни с сего по почте были присланы телеги с мортирами. Тайный груз этот, прикрытый соломой, шел через Пруссию, имя адресата – герцог Вейсенфельский. То есть груз этот предназначался для саксонцев, но то, что его пруссаки пропустили, было большой загадкой. Все очень озаботились получением пушек, тут же пошли разговоры, что Миних вот-вот назначит штурм Гегельсберга, который давно всем мозолил глаза.

На следующий день еще одна неожиданность. По почте переслали целый мешок писем для господ офицеров, и в числе прочих Матвей получил послание от Лизоньки Сурмиловой. Прорвалась его возлюбленная через военные препоны.

Матвей с трепетом прижал Лизонькины строки к губам своим. Прекрасная дева, ты хранишь верность воину. Спасибо, я твой пленник навек, беда только, что в буднях жизни я совсем позабыл твои милые черты.

А если поподробнее говорить, то он никогда их и не помнил. Много ли они виделись? Вечер в Париже вообще не в счет, он тогда не о любви, а об выгодной женитьбе думал. Сказать, что краткая встреча в замке Гондлевских оживила милые черты, он тоже не может. Они там вообще друг друга не узнали. И только на бумаге слова любви были привычными и понятными, до мелочей знакомыми, как тропка в родительской усадьбе.

В тот же вечер Матвей сел писать ответ. В письме было много нежных слов, описаний жестоких сражений, а также пересказ невинного сна. Он видел свою возлюбленную (поверь, прекрасная!) на палубе корабля. Тревожно кричали чайки, туго бились на ветру мокрые от соленых брызг паруса, а Лизонька стояла, держась ручкой за канат, и смеялась. Шейку ее обхватывал розовый легкий шарф, и концы трепетали под нежным бризом.

Описывая мнимый сон, Матвей так разволновался, что бросил из рук перо и забегал в нетерпении по комнате. Ах, кабы Лизавета вот так же куда-нибудь путешествовала, он бы любил ее еще больше. Хотя больше, кажется, нельзя. Письмо он так и не закончил.

Предчувствия о скором штурме не подтвердились. Активные военные действия начались только тогда, когда прибыли первые русские корабли с артиллерией. Миних давно лелеял мысль о ночной атаке Гегельсберга, который бы в наше время назывался «стратегической высотой», а в XVIII веке был обозначен как «укрепленный пригорок». Установи на этом пригорке артиллерию, весь город находился бы под пушечным прицелом. И он заставит Данциг сдаться.

Не откажу себе в удовольствии воспользоваться здесь цитатой из «Записок о России генерала Манштейна». Без помощи этого господина автор просто не в состоянии выговорить половину военных терминов.

«8 мая в сопровождении графа Ласси и генерала Бирона (брата фаворита) Миних отправился на рекогносцировку укреплений этой горы; справа, со стороны ворот Оливы, крутизна почти неприступная; на вершине ее правильный кронверк с равелином, контрэскарпом и гласисом, все это исправно обнесено палисадом и штурмфалами и снабжено несколькими орудиями.

Но слева, в стороне Шейдлища, есть только одно земляное укрепление без прикрытого пути и без гласиса, ров сухой и без палисада; только одна берма снабжена изгородью. Итак, решено было с этой стороны начать атаку».

Русские разделились на два отряда, в одном было три тысячи человек, в другом пять тысяч. Начало атаки было успешной. Солдаты скрытно подошли к самой подошве горы, первые гренадеры уже вошли на вал и овладели батареей.

Но нашу армию встретил шквальный огонь. К несчастью не только оба командира отрядов были убиты, но множество офицеров и инженеров пали под первыми выстрелами. Войска пришли в беспорядок. Им бы грамотно отступить, но в то время как разумные спасались бегством, ожесточенные рубаки только разогрелись битвой. По русской привычке –

гори все огнем! Пусть я погибну, но и вас, гадов, с собой на тот свет утащу. Приказы начальства они просто не слышали. Генералу Ласси пришлось покинуть траншею и самому идти увещевать солдат отступить.

Высота Гегельсберг не была взята. Потери русских были огромны. В числе раненых, вынесенных с поля битвы, находился и князь Матвей Козловский. Рана его была не смертельна, осколком раздробило левое плечо, но на санитарные носилки его погрузили в бессознательном состоянии. Князь был не только ранен, но и контужен взрывной волной.

7

Военная хроника того времени сообщает, что в штурме Гегельсбрега русские потеряли 2000 человек убитыми и ранеными, в том числе сто двадцать офицеров. Кто их точно считал – погибших? Уже в числах видно, что цифру округляли, плюс-минус пятьдесят человек, а может, и того больше.

Лазарет устроили в длинном, приземистом, вросшем в землю здании, находившемся рядом с кирхой. Когда-то здесь был склад. Место это подвергли активной бомбардировке вначале сами поляки, потом русские. Окрестное население разбежалось, склад был давно разграблен. Ветер гулял в палатах под сводами. Похожие на бойницы окна давали мало света. Гулкое эхо разносило стоны раненых. Большая часть их лежала прямо на полу. Некоторым счастливым достались матрасы.

И лекари, и похоронная команда работали не покладая рук. Сюда же к лазарету подносили покойников, но иногда в нагромождении трупов вдруг обнаруживали шевелящегося, еще живого человека. Его тут же брали на руки и волокли к докторам.

В лазарете уже установился зловредный, пропахший кровью и потом воздух. От духоты было совершенно нечем дышать. Евграф, который находился при Матвее неотлучно, сообразил вытащить князя из страшного помещения. Походную кровать он разместил в тенечке под двумя кленами. Оба дерева цвели, еще безлистые ветви их были все в зеленых «кудряшках». Здесь и нашел князя Козловского наш старый знакомец агент Петров.

Обстоятельства сложились таким образом, что Козловский в данный момент был последней надеждой Петрова. Агент, как говорят в наших шпионских фильмах, остался без связи. И зачем Миниху понадобилось так не вовремя штурмовать эту проклятую высоту? Потери велики, но на то и придумана война, чтоб людей лишать жизни. Плохо то, что цепочка, связывающая Петрова с Петербургом, была разрушена. В ночном штурме погиб курьер-штабист, мотающийся постоянно с депешами в Варшаву и обратно. Конечно, курьеру найдут замену, но Петров не имел права просто так пользоваться официальной военной почтой. Он хоть и числился по сыскному делу, это письмо предназначалось исключительно для Бирона. Отдать реляцию в случайные руки – значило рассекретить себя и главное, подставить под удар благодетеля, то есть Бирона.

Реляция, которую Петров почитал весьма важной, касалась дел текущих. Он просил денег, но теперь не у своего ведомства, которое не отозвалось на его предыдущую просьбу, а лично у Бирона. Поймите, ваше сиятельство, совершенно нечем платить информаторам. Сам он согласен служить без ежемесячного жалования, вернется в отечество, получит все оптом, но для подкупа нужных лиц необходимо иметь под рукой круглую сумму. В Варшаве к услугам Петрова было удобное заведение под названием банк, он и сужал его деньгами, но в осажденном городе даже под залог, под вексель никаких денег не выпросишь. А какой у Петрова в Данциге может быть залог?

Во второй части письма, без всякого акцента на важность информации, Петров между делом сообщал, что некая особа, которая уже виделась с Шамбером в Варшаве, непонятным образом явилась в Данциг. Оную особу зовет Николь де ла Мот, она имеет связи с лучшими фамилиями. По слухам, она самого Лещинского посещала, а с французским послом де Монти открыто разъезжает по городу в карете. К Шамберу де Мот навевывалась всего один раз, и то ночью.

Эта де ла Мот все дни была на виду, а на прошлой неделе вдруг исчезла. Надежный информатор сообщил, что она уехала из Данцига.

Далее... «По слухам, экс-король Лещинский болен, все дела вершат Потоцкий и французский посол де Монти. В городе трудности с продовольствием, но зерна в достатке,

поскольку такой мельницы и складов, как в Данциге, в прочих городах европейских не отыщешь».

Петров не отказался и от приписки, так, на всякий случай, дал описание наружного облика де ла Мот: «Рост средний, глаза зеленые, продолговатые и с непонятным изъяснением. Иногда в них появляется косина, словно она тебе в глаза смотрит, но и в бок хорошо видит».

Вот эту реляцию надо было немедленно доставить в Варшаву, а оттуда по проверенным каналам в Петербург. Но как это может сделать Козловский, если он лежит с перевязанным плечом и смотрит тупо, словно и не узнает Петрова?

Но, с другой стороны, чего, собственно, бояться? Раненый Козловский для передачи письма подходит так же хорошо, как здоровый. Язык-то у него цел, и память, будем надеяться, не совсем отшибло. Пусть постарается для отчизны, выполнив роль простого вместилища, а уж потайной карман на князев камзол Петров сам может пришить, не велика премудрость.

– Как самочувствие? – спросил Петров бодро.

Матвей посмотрел на агента мутным взглядом и ничего не ответил. Рядом с походной кроватью, переминаясь с ноги на ногу, торчал высоченный, белесый парень, видимо, тот самый денщик Евграф. Он озабоченно поправил плащ, которым был укрыт раненый, и произнес степенно:

– Освежение покоев воздухом в лазарете не делают. Я сюда их сиятельство и снес.

– Понятно... Ты, Евграф, погуляй пока.

– А что ж одеты вы не по уставу? Епанча на вас полевой пехоты, а вместо лосин... извиняйте, партикулярные порты.

– А это не твоего ума дело. Ты, Евграф, в лазарет ступай. Там сейчас каждые лишние руки необходимы.

– А как же тут? Если воды подать или еще что? – искренне удивился денщик, ему явно не хотелось загружать лишней работой свои огромные, как лопаты, руки.

– Я сам воды подам, и «если что» тоже сам. Иди!

Матвей никак не отреагировал на эту перепалку. Как только денщик ушел, агент зашептал с показной бодростью:

– Вот какое дело, князь. Вы сегодня вечером отправитесь в Торн. Тяжело раненых повезут водой в тамошний госпиталь. В Торне, говорят, имеются отличные лечебницы при монастырях. Заодно выполните одно мое задание.

– Ты, Петров, не шепчи, – отозвался, наконец, Матвей. – Ты громко говори. У меня уши после контузии пробкой забиты.

Петрову пришлось повторить весь текст заново. Конечно, он не говорил в полный голос, не было у него такой привычки – на всю ступню становиться, привык жить на цыпочках. Лицо Матвея оставалось безучастным. Попробуй разберись, понял он, о чем ему толкуют, или нет. Но суть уловил, это точно, потому что вдруг сказал с раздражением:

– Никуда я не поплыву. Не такая у меня тяжелая рана, чтобы на монастырских подворьях валяться.

– А ты и не будешь валяться, – неожиданно для себя Петров перешел на «ты», – потому что задерживаться в Торне тебе никак нельзя. Тебе в Варшаву надо, – он очень боялся, что князь опять его перебьет, и потому говорил быстро и четко. – Из Торна в Варшаву лучше добираться сушей. Подводу можно нанять, можно купить. К сожалению, я не могу ссудить тебя деньгами, хотя по закону обязан, дело-то государственное. Но ты человек не бедный, сам заплатишь.

– Петров, может ты с ума сошел? За каким лядом я попрусь в Варшаву?

– У вас там дела, – Петров уже нагнулся к самому уху Матвея. – Вам там надо будет отдать важный пакет, то есть срочную депешу для их сиятельства Бирона, – тайные слова

орать во все горло не пристало, здесь Петров приглушил звук, но все равно вышло чересчур громко. Он с опаской поглядел по сторонам. Всюду сновали люди, но никому не было дела до чужого секретного разговора. – Но ваше дело довести депешу только до Варшавы, а далее ее пошлют по назначению.

– Отвяжись, Петров. Никуда я не поеду. Башка болит...

– Вот и отлично. Я сейчас с лекарем поговорю, чтобы вас здесь не забыли. А то ведь здесь у вас большой беспорядок.

– Мундир-то где раздобыл? С убитого снял? Денщик у меня глазастый.

Но Петров уже не слышал Матвея. В мятом, кровью запачканном кафтане неведомого подпоручика он чувствовал себя великолепно, поскольку находился среди своих. А это большое благо – жить без опаски. И вовсе он не мародерничал, снятые с раненых мундиры валялись кучей у входа в лазарет – выбирай, какой хочешь.

«Балаболка, – с неприязнью подумал Матвей про агента. – Депеша какая-то дурацкая. А то, что нас здесь порубали в капусту, тебя вроде бы и не касается».

На Матвея навалилась тоска. Когда он очнулся после контузии, то вначале пребывал в нервном возбуждении, все что-то говорил, объяснял лекарям, смеялся, как идиот, а здесь под кленами вдруг затих. Навалились мысли, тяжелые, как удушье. Боль телесная – дело десятое, и глухота, надо думать, со временем пройдет. А вот что делать, судари мои, с болезнью души? Мир, весь мир, сама вселенная с сонмом ангелов предстал перед ним совсем в другом свете. Он-то, дурак, всегда гордился, что из любой передрыги выходил победителем. Даже две темницы – у Бирона и у Гандлевских в подвале, не убили в нем оптимизма и твердой уверенности, что мир устроен правильно. Было и прошло. Он опять в седле и отлично умеет управляться с окружающей действительностью. Размашисто жил, что и говорить.

А тут вдруг от пустяковой раны и расклеился. Слишком много трупов, господи! Ему уже стыдно было за тот восторг, который он испытал при взятии Шотланда. Лавровые венки победителя, со щитом или на щите, честь превыше всего – ах, как красиво, а на деле пустые слова. Люди подышают, как скоты бессловесные на бойне. А их потом штабелями укладывают, как дрова. Где-то лежит окоченевший уже Васька Крохин. Есть малая надежда, что он жив, но Матвей сам видел, как рядом с пушкой, где Васька торчал, разорвалось ядро.

И еще запомнилось, больше, чем взрывы, пороховой дым, крики ярости и боли, раненый мальчишка барабанщик, который привалился спиной к лафетной пушке, зажал грязными руками рану в животе и замер, выпучив глаза. А барабан его, тяжелый, десятифунтовый, летел вниз по откосу, то, словно нехотя, катился, то подпрыгивал на кочке и вертелся волчком, и Матвею казалось, что, несмотря на шум атаки, он слышал, как гулкое барабанье нутро продолжает отбивать воинственную и грубую трель.

А как же бессмертная душа? И где были ангелы-хранители всех этих изуродованных, истерзанных человеческих тел? Как же допустили ангелы, чтобы все было так... неприлично? Древние говорят, что «раскаяние идет по пятам за грехом».

Он ощупал образок на груди, который дала ему перед дорогой Клеопатра. Клепка добрая, в справедливость верит. Все крестила Матвея, заглядывая в глаза: «Ты, Мотя, молись чаще, и беда обойдет стороной». А эти, трупы, иль мало молились? Очень бы хотелось знать, есть ли у ангелов совесть и мучает ли она их по ночам? Сюда бы Клепку доставить хоть на полчаса, чтоб посмотрела на ампутированные руки-ноги, что в куче лежат. Тьфу-тьфу, иль ты, князь, сдурел совсем, чтоб желать сестре такие страсти. Матвей судорожно перекрестился.

Явился Петров и опять начал трещать языком. Матвей старательно вслушивался, но не все понимал. Лицо агента вдруг показалось ему не то чтобы симпатичным, но приемлемым. Что он в самом деле на него взъелся? Агент как агент. У них небось тоже жизнь собачья. А то, что Матвея с этой бойни хочет увести, так ему за это большое спасибо.

– Слышь, Петров, не слышу я, о чем ты толкуешь. Кому депешу-то в Варшаве передать? Ты напиши имя-то. Что значит, – где написать. При лазарете наверняка какая-нибудь канцелярия есть. Разживись у них и пером и чернилами. Экий ты суетливый, право, – и уже вдогонку Петрову крикнул: – И имей в виду, без Евграфа я не поеду. Кто мне в Торне подводу снимет? И вообще, как я без Евграфа... с детками?

8

Гегельсбергская высота еще дымилась от недавнего боя, когда Миних послал отступнику генералу Люберасу гневливый приказ, третий по счету, – немедленно, сейчас же грузить русскую армию на суда и отправлять по Висле к осажденному Данцигу. Но был второй курьер, посланный в Варшаву. Он вез приказ о немедленном арестовании Любераса. Второму курьеру – им был знакомый Матвею подпоручик Заикин, велено было не слишком торопиться, а потому он плыл на той же галере, которая везла раненых в Торн.

Матвея Заикин нашел на палубе. Молодые люди обрадовались друг другу, поговорили, а потом в одном экипаже добрались до Варшавы.

Я пишу об этом так подробно только потому, чтобы объяснить, как Матвей попал на прием к Люберасу. И не просто на прием, а для дружеского разговора. Вот он, герой баталии, проливший кровь за Отечество, очевидец грозной неудачи фельдмаршала Миниха. Пусть он и расскажет подробно, как проходила битва и в чем он видит просчеты наших воинов.

Матвей был еще плох. В Торне ему сделали перевязку, подвесили руку на перекинутый через шею плат и подложили дощечку, чтоб не елозила поврежденная конечность и не причиняла лишнюю боль. Рука и не елозила, но зато каждое движение, каждый шаг или глубокий вздох отзывался в плече острой болью. Глухота по-прежнему мешала нормально жить, а уж бледен князь был, как вошенная бумага. «Чистый смертушка», – говорил Евграф.

Люберас ко всем этим увечьям отнесся благосклонно, поскольку они косвенно указывали на неспособность Миниха руководить армией. А когда Матвей принялся рассказывать об огромном количестве убитых, про то, как солдаты не хотели отступать и Ласси уже не приказывал, а умолял их оставить поле битвы, Люберас полюбил князя Козловского всем сердцем.

– Вы герой, поручик! И заслужили отпуск. Сейчас в канцелярии вам подпишут бумагу. Верхами вы ехать не в состоянии. О карете я распорядюсь.

– Благодарю вас, ваше превосходительство, – рассеянно пробормотал Матвей, еще не понимая, радоваться ему или печалиться из-за генеральской опеки... В конце концов, он солдат, а война еще не кончена.

– Вы поедете в Петербург. С вами я пошлю кой-какие письма. Отдадите их лично в руки.

«Сговорились они, что ли? Я теперь не человек, а почтовая сумка», – подумал Матвей с раздражением. На миг вспыхнула обида, что Данциг возьмут без него. Они там будут победу праздновать, а он письма по домам вельмож развозить.

Разговор этот происходил в то время, когда галеры с русским войском уже плыли по Висле в сторону осажденного города. На этот раз Люберас не посмел ослушаться приказания фельдмаршала Миниха. Но настроение у генерала было отличное.

Когда дверь за поручиком Козловским закрылась, он прошелся по комнате, азартно потер руки, а потом сложил из пальцев простонародную дулю и сунул ее в окно: «Вот ты меня посадишь под арест! Вот тебе полевой суд! Уж я отпишу в Петербург о твоих выходах».

Оставим генерала в его приятных размышлениях и вернемся к нашему герою. Предложенная Матвею карета была бита не только временем, но и войной. Видно, она, бедная, умудрилась попасть под обстрел. Поцарапанный и кое-как подлатанный кузов имел непрезентабельный вид, но колеса катились резво. Прогонные были подписаны по всем правилам, а это оберегало от пустых задержек в пути. Миновать бы только беспокойную Польшу, а там в каждом дворе будут ждать его свежие лошади и пусть скудная, но горячая еда.

Было еще важное дело, которое требовало незамедлительного исполнения. Защищенное под мышкой письмо агента Петрова должно было сыскать своего адресата. Беда только, что бумажонка с записанным именем куда-то задевалась. Матвей грешил на Евграфа, денщик клялся всеми святыми, что в глаза не видел секретную бумагу. Ну и шут с ней. Матвей помнил, что депеша предназначалась для Бирона. А поскольку выпала такая удача, что он едет в Петербург, стало быть, сам ее и передаст. Встреча с Бироном не радовала, но что делать, если такая выпала карта.

Для сопровождения секретной почты в помощь Козловскому были предписаны два драгуна. Но в условленный час воины не явились, и Матвей на свой страх и риск решил ехать без охраны. От случайных разбойников он с Евграфом сам отобьется, а при встрече с большим отрядом противника двое драгун не помощь, а скорее помеха. Как покажут дальнейшие события, размышлял князь правильно.

Прекрасное время года – весна. Мир свеженький, как только что созданный. И травка в полях, и листочки дерев чистые, умытые. И птицы, конечно, куда же без их звонких голосов. На хуторе Евграф раздобыл жареных цыплят. Тоже ведь птицы, но назначение у них совсем другое. Певчие птицы услаждают нам душу, а эти – желудок. Матвей меланхолически жевал куриное мясо, запивал вином из бутылки. Прямая, обсаженная тополями дорога, казалось, кратчайшим путем вела к счастью. Приветливые поля окрест не были изуродованы войной. Вот трудолюбивый пейзажник идет за плугом. Поодаль пасется лошадь с жеребенком, смешной такой, все лезет к матери в жажде полакомиться молоком, а та аккуратно отпихивает детеныша, мол, пора переходить на подножный корм.

Так спокойно прошел первый день пути, второй... А на третий день, к вечеру, в березовой роще Матвея и взяли. Стволы берез были так белы, что слепили глаза, и удивительно, что и кучер на козлах, и сидящие в карете не заметили подхода ярких мундиров, которые как-то разом вдруг окружили карету и залопотали по-польски. Было их человек пять, а может, и того больше. Матвей только и успел заметить, что двое из отряда были верхами...

– Кто такие? – выкрикнул главный, ни угрозы в голосе, ни выстрелов, ни обнаженных шпаг.

Возница-поляк степенно объяснил, что везет русского офицера. Кто-то крикнул: «Виват Лещинский!» Матвею почудился в этом возгласе скорее вопрос, чем утверждение. Далее один из красных мундиров вспрыгнул на козлы, два других на запятки, всадники встали в авангарде, и карета, взяв рывком с места, понесла наших героев в неизвестность.

Матвея предупреждали в Варшаве, чтобы держал ухо востро и опасался встречи с конфедератами. Страной уже правил Август II, а на всей территории Речи Посполитой шуровали многочисленные отряды бывшей армии польской, которые не хотели признавать саксонца и стеной стояли за Станислава Лещинского. Не знаю, как вели себя шляхтичи в войске люблинского воеводы Тарло или, скажем, в подольской конфедерации, составленной в Каменце, но те, к которым попали Матвей с Евграфом, уместнее было бы назвать не борцами за свободу, а просто бандитами. Лозунги-то они выкрикивали правильные, а на деле не столько воевали за республику, сколько грабили усадьбы, чьи хозяева на свою беду присягнули Августу Саксонскому. А может быть, не успели присягнуть, но не изъявили страстного желания вступить в конфедерацию.

Березовая роща с розовеющими на закате стволами кончилась, и взору открылся большой луг, в конце которого разместилась барская усадьба. Туда и поскакали всадники. Через каменные ворота с сорванными с петель створками всадники проехали с криками и улюлюканьем, так они возвещали о своем прибытии. Длинная тиссовая аллея привела к обширному двору, в глубине которого возвышался барский дом с колоннами. На выезде из аллеи Матвею предложили выйти из кареты.

По двору вольно ходили солдаты, которые, видно, все разом позабыли, что на свете существует военная выправка и армейская дисциплина. Многие были навеселе. У каретного сарая стояли фуры – четырехугольником поставленный обоз – словно здесь собирались держать оборону от неведомого неприятеля. Большая клумба, на которой залиловели крокусы, была порядком затоптана. На левом фланге, подле беседки и довольно уродливых статуй из дикого камня, горел жаркий костер, на котором жарилась огромная туша.

– Свининка, – прошептал в ухо Матвею Евграф. Он шел нога в ногу вслед за барином и с опаской поглядывал на поляков, которые шли рядом по двое с каждой стороны. Вид у охраны был мрачный.

– Капрал, а капрал, – обратился Евграф к тому, кто был поближе, – вы куда нас ведете-то?

Охранник не удостоил Евграфа ответом. Только тут Матвей понял, что они пленники и он явно упустил момент, когда надо было выхватывать шпагу, биться за свою жизнь и вообще вести себя как мужчина.

Белый барский дом, еще недавно имевший приветливый вид, сейчас представлял из себя... право, нет слов. Все двери и окна распахнуты настежь, на углу, со стороны террасы, следы недавнего пожара, портик над входом странно покосился, а львы, каменные стражи главного входа, не только сброшены со своих постаментов, но и унижены – сабельные удары отбили им хвосты, лапы и признаки мужского достоинства. Львы-то чем помешали?

На лестнице дома Матвею вежливо предложили расстаться со шпагой. Он отдал ее безропотно.

Путь по коридору кончился гостиной, в которой, по разумению Матвея, размещался штаб. Во всяком случае, на это указывали флаги, польский государственный и полковой, стоящие у камина. Других признаков штабной работы в помещении не было. Шкаф-поставец, как и все в этом доме, был распахнут, и все его содержимое – посуда, кубки, емкости с вином – переместилось на длинный дубовый стол. Полковую карту заменял большой медный глобус на чугунной подставке, которая, в свою очередь, покоилась на искусно отлитых птичьих лапах, судя по их хищному виду – орлиных.

В центре стола сидел военный чин, одетый не по уставу. Голову его украшал надетый набок старинный металлический шлем, концы мятого шейного платка, равно как и седые усы, обвисли сосульками. Видно, не единожды их макали в кубки с вином и сладкими наливками.

Чин был пьян, очень пьян. Он грозно посмотрел на вошедших, потом встал, опершись одной рукой на стол, а другой, на столе больше не было свободного места, на глобус. Земной шар предательски вильнул, чин описал ногами вензеля и с размаху плюхнулся на стул.

Потом он долго рассматривал Матвея, мутный взгляд его, казалось, ничего не выражал. Пленнику было задано всего три вопроса: откуда, куда и зачем? Разумеется, Матвей ни словом не обмолвился про Данциг. Он едет из Варшавы в Петербург лечиться по ранению. И все... Больше вы от меня, господа хорошие, ничего не добьетесь. Но у Матвея больше ничего и не спрашивали. Между поляками завязался быстрый разговор, из которого Матвей только и понял, что спор идет о его дальнейшей судьбе. Узнаваемые по слуху слова были мало утешительными. Офицер из охраны твердил про на «экзекучью», но пьяный чин, которого офицер называл «ротмистр», настаивал на «кага smiętси», что могло означать только одно – смертная казнь. Толковали также об обмене и выкупе, и сошлись, в конце концов, на том, что пленников надо посадить в холодную, а утром на свежую голову уже решить, что с ними делать.

Опять в подвал! Господи, ну сколько можно? Чуть что – под замок на хлеб и воду! В темноту и сыр! За что ему все эти несчастья? Видно, заслужил. Вон, Родион, друг сердечный, по всем законам государственным должен был отправиться в Сибирь за отцом. И

ничего... мало того, что на свободе, так даже на сутки в темницу не попадал. А он, Матвей, сын достойных родителей, человек незлобивый и характера легкого, чуть что – в железа! Видно, ангел его не хранитель, а безобразник, все время подставляет ножку. А может быть, ангел, как Клепка, считает, что несчастный человек и есть любимец Бога. Говорят, где-то в Англии есть памятник на могиле, а на том памятнике написано: «Несчастнейший». Вот и меня так когда-нибудь похоронят. Однако, что этот болван говорил про «кару смертна»?.. Еще этого не хватало.

Матвей очнулся от своих скорбных мыслей на пороге каретного сарая, которому на этот раз выпала роль узилища. Далее последовала безобразная сцена, после которой князь, что называется, начисто отрубился. Он был весь в высоких, скорбных мыслях, когда почувствовал, как по его телу шарят быстрые и ловкие руки солдата. Его обыскивали! Его, офицера русской армии, обыскивали, как мелкого ворюгу. Мало того, что, когда лезут под мышку, раненое плечо отзывается нестерпимой болью, но ведь и унизительно.

– Ты чё шарить? Ты чё меня лапашь, как продажную девку? – завопил Матвей и боднул охранника головой в живот, а левой рукой умудрился ударить под дых, то есть в солнечное сплетение. Охранник сложился пополам, но в следующее мгновение Матвей был отброшен в дальний угол сарая. Офицер, который, казалось, безучастно наблюдал за обыском, пришел на помощь солдату.

– Батюшки мои, что ж вы делаете-то? – взвыл Евграф и метнулся за Матвеем, словно надеялся поймать барина на лету.

Не поймал, зато получил от офицера свою порцию затрещин. И только когда дверь в каретный сарай закрылась, он смог добраться до бездыханно лежащего Матвея. Падая, тот ударился затылком о выступающее бревно. Крови вроде не было, но сознания тоже не было.

9

Матвей очнулся, стащил мокрую тряпку с головы, сел. Сколько же он провалялся? Хотелось бы знать, закат розовеет в маленьком оконце или, наоборот, восход. Если восход, то пора собираться на «кару смертну». «Уроды, – с негодованием подумал он про поляков. – Мы для них под Данцигом жизни не жалеем, а они мелкой подлостью отвечают на добро!»

Левой рукой он ощупал затылок. Шишка с кулак, парик вкупе со шляпой спасли его от открытой раны. Боль не столько мучила, сколько раздражала, отвлекая от нового ощущения – он слышал. Ему даже казалось, что он слышит лучше, чем раньше. Он отлично различал дальние голоса двух спорщиков, которые не могли поделить рыжую кобылу. «Да это они из-за моих коней спорят, – подумал он с негодованием. – Все, пропала карета! Ну и черт с ней...» Он продолжал проверять слух, как пробуют на вкус затейливую еду. Ага, а это мыши шуршат в углу, а это сапоги скрипят у часового. Видно, пленников стерегут по всем правилам.

Он осторожно повернул голову. Евграф сидел рядом и спал, свесив голову на грудь. Матвей ткнул его в бок. Тот сразу проснулся, заморгал белесыми ресницами.

– Что делать-то будем? – тихо спросил Матвей.

– Очухались, слава те господи. А я все думал, как я вас бездыханного на себе поволоку?

– Куда поволочешь?

– Да-к спасаться надо от бандитов-то, бежать. Дождемся ночи, а там, как бог даст.

– Он тебе даст, держи карман шире. Догонит, и еще даст, – проворчал Матвей. – Хорошо хоть в подвал не посадили. Барский дом не замок, здесь подвал используют по назначению для хранения битой говядины и свиных туш, а не для живых людей.

– А вы, барин, не богохульствуйте. Вы поешьте лучше.

– Здесь-то ты как еду раздобыл?

– Да-к попросил. Стукнул в окошко. Поляки тоже люли. Вот хлеб, грудинка копченая. Жиру много, а так ничего. Есть можно.

– И то правда. На расстрел лучше сытым идти.

– Не пугайте вы меня, Матвей Николаевич, – строго сказал Евграф.

Матвей усмехнулся и принялся за еду. То, что денщик его трус отменный, он давно знал. В атаку прямо никогда идти не мог, все за чужие спины прятался. И чуть что, находил себе работу – вытаскивать раненых с поля боя. И понятное дело, поступал он так не из сострадания к несчастным, а исключительно, чтобы найти себе занятие и заглушить страх. А вот сейчас они с денщиком попали в серьезную передрагу. И что? Матвей весь на нервах, а Евграф хватается за какие-то мелкие подробности жизни, грудинку, вишь, достал, но при этом сохраняет полное спокойствие. Или денщик по обыкновению боится заглянуть правде в глаза?

В то время как князь Козловский совершал свою скромную трапезу, в барском доме, в комнате, соседствующей с польскими знаменами и глобусом, а если быть точной, через два помещения от штаба, происходил очень важный для нашего повествования разговор. Комната ранее была спальней и, судя по нетронутому интерьеру, выполняла сейчас ту же функцию: занавесочки, салфеточки, гора подушек на покрытом шелковым одеялом ложе.

В комнате находилось трое: мужчина средних лет в форме ротмистра польской кавалерии, очаровательная молодая дама, не будем темнить – Николь де Мот, и аскетичного вида священник в коричневой сутане. Его имя тоже разумнее сообщить сразу – аббат Арчелли. Да, да, тот самый, к которому ездил Шамбер. Разговор шел по-французски.

– Уверяю вас, господин аббат, – горячо и уже с раздражением в голосе говорил ротмистр, – это идеальный случай. Другого может не представиться.

– Может быть, но для выполнения вашего плана я должен надеть партикулярное платье, а это противоречит уставу церкви, здравому смыслу и, в конке концов, моим моральным принципам.

Мадам де ла Мот с негодованием надула губки, мол, о каких моральных принципах ты говоришь, мышь серая!

– Но русский не идиот. Он не поверит, что армия конфедерации захватила в плен католического священника и посадила его под замок.

– Но аббат не имеет права расставаться с сутаной!

– Даже во имя великих принципов?

Священник искоса глянул на де ла Мот, покраснел, но не сказал ни слова. У них уже был разговор на эту тему, в котором Николь дала понять, что ввязывается в сложную авантюру исключительно ради денег. Аббат тогда дал ей жестокий отпор, подчеркнув, что им движет только забота о благе человечества.

– Многоуважаемая пани все уже давно поняла, – продолжал ротмистр, – а вам приходится объяснять элементарные вещи.

Еще бы пани не понять, если она сама предложила этот план. Головка у Николь работала великолепно. Как только она глянула в подорожную и увидела русскую фамилию – князь Козловский, все решилось в одну минуту. Осталось только уговорить этого спесивого индюка. Ну и компаньона ей навязали в Варшаве! Вздорный, обидчивый, скаредный, высокомерный, при этом мрачный и необщительный. Более того, Николь подозревала, что он не шибко умен. Но это был не ее выбор. Кто знает, может, именно такой человек нужен, чтобы надавить в России на нужные государственные пружины. И она ему поможет. Но для этого не надо подчеркивать при каждом случае, что он главный, а Николь де ла Мот приставлена к этому идейному борцу только для прикрытия. Ха-ха!

– Конфедерация дала слово, что обеспечит безопасность вашего путешествия. В Польше это легко сделать, но Россия непредсказуема. А здесь вас доvezут в целости и сохранности до самого Петербурга. Более того, в вас будут видеть спасителей.

– Но я должен буду во время поездки с русским играть несвойственную мне роль частного лица, – проворчал аббат, начиная сдаваться. – И вести противоестественную игру.

– А в Петербурге вы будете вести естественную для монаха игру?

– Я делаю это для блага Франции, – огрызнулся Арчелли.

– Я тоже думаю о благе Франции... и Польши, – она стрельнула глазами в сторону ротмистра. – Мое положение хуже вашего. Я должна буду предстать перед русским оборванкой и ехать оборванкой.

– Ну, сундуки с платьями мы вам доставим, – поторопился встрять в разговор поляк.

– Если их не разворуют по дороге. И давайте, наконец, обговорим детали. Побег должен состояться ночью, и у нас не так уж много времени.

– Посты в лесу будут предупреждены. Вы поедете в вашей карете?

– Нет, нет, – быстро сказала де ла Мот. – Мы поедем в развалюхе князя Козловского. Там и места больше.

– Готовая карета будет стоять там, где ее оставили, в начале тисовой аллеи.

– Что значит – как оставили? И лошадей не распрягли? Так не бывает.

– Бывает. Объяснение простое: все так перепились, что забыли распрячь лошадей.

Теперь надо подумать, как вернуть князю подорожную.

– Это просто, – сказала Николь. – Все его документы были под вторым дном в патронной сумке. Поставим эту сумку туда, где она стояла.

– Под сиденьем в карете?

– Вот пусть там и стоит. Князь может предположить, что вы ее вообще не нашли.

– Но там лежит письмо генерала Любераса к Левенвольде. Это письмо надо аннулировать.

– Зачем? – искренне удивилась Николь. – Я читала это письмо. Люберас выставил Миниха в таком свете, что фельдмаршалу не поздоровится. Эта информация обязательно должна дойти до адресата. Причем письмо подлинное, а это дорогого стоит. И хватит об этом. Обсудим сам побег.

– Это я продумал. В каретный сарай из конюшни ведет дверь. Сейчас она заперта. Дверь откроет ваш возница. Русским скажите, что он ваш слуга, который чудом избежал плена. Его мы потом посадим на козлы. Только, пожалуйста, из конюшни до кареты доберитесь ползком. Неровен час, охранник вас заметит.

– Так предупредите охранника, – проворчал аббат, которому давно наскучил этот разговор.

– Нельзя предупредить всех. Это секретная операция!

– Но посты же вы предупредили!

– Они знают только, что ночью из лагеря в сторону границы поскачет карета.

Все подробности побега были проговорены до мельчайших подробностей. Аббат на этот раз был со всем согласен, и только когда стали обсуждать, как говорят в мире интриг, новую легенду, он опять заартачился.

– Что значит – моя дочь? Я против.

– Но вы же согласились, что в Петербурге я буду вашей племянницей.

– Племянница – пусть. Католический священник не может иметь детей. Да и по возрасту вы не можете быть моей дочерью.

– Сколько же вам лет? На вид никак не меньше пятидесяти.

– А это, сударыня, уже не вашего ума дело!

Бедный аббат! Ему было сорок четыре. Выглядел он великолепно и знал об этом. Господь хранит от ранней старости слуг своих. Но этой паршивке и грешнице видно доставляет удовольствие его дразнить.

Николь раздражала Арчелли до крайности именно потому, что выглядела очень привлекательной. Нельзя сказать, чтобы аббат воспылал страстью, это не пристало его сану, но он почувствовал вдруг, что под сутаной бьется сердце мужчины, а плоть, орудие дьявола, давала тому подтверждение. Что бы он хотел получить в дар от судьбы? Не о каком телесном романе, разумеется, не может быть и речи, но он мечтал, что красавица Николь отзовется на его чувства. А далее... в момент решительного объяснения он скажет – нет! Церковь поставила меж нами преграду. Смирись! И она смирится, и будет страдать, потому что женщине трудно выжечь любовь из сердца. Она будет страдать, а он утешать. И пусть это длится долго-долго, сколько хватит времени и сил.

– Ну и шут с вами – племянница, так племянница. Вы едете в дом князя... например Нарышкина, чтобы учить его детей французскому и итальянскому языкам...

– Нарышкин не подходит, это слишком известная в Петербурге семья.

– Ну, хорошо, придумайте другую семью. Главное, что вы наняты туда гувернером, а я увязалась за вами. Поляки захватили нас в плен, обобрали до нитки, отняли карету. И всё! А теперь уходите. Я буду переодеваться.

Мужчины покорно встали и вышли из комнаты.

Когда мадам де ла Мот, одетую в простенькое платьице, неприметный плащ и, конечно, розовый шарф, куда же без него, вели вместе с аббатом к каретному сараю, он высказал первую, с точки зрения Николь, здравую мысль.

– Мы сыграем наши роли, доберемся до русской столицы. Но ведь князь Козловский занимает определенное место в Петербурге. Что, если он возвращается в свете? Мы можем

столкнуться с ним нос к носу в гостиной Бирона. Как в таком случае мы объясним этот наш маскарад. И что он нам скажет?

Николь задумалась только на мгновение.

– Ничего не скажет. Говорить буду я. А пока нам надо быстро и безопасно добраться до Петербурга. А потом я что-нибудь придумаю!

А он не так глуп, как хочет казаться, подумала она про аббата. И камзол на нем сидит, как влитой. И лет ему не пятьдесят, а гораздо меньше. Экий фронт!

10

Прежде чем продолжать наше повествование, надо объяснить его политическую подоплеку. Много я у вас времени не отниму, расскажу о главных событиях в описываемое время быстренько, бегленько. Я, например, так и не объяснила, почему Франция так уж хотела посадить на польский трон Станислава Лещинского. А потому, что, во-первых, он был «законный король», во-вторых, он был пяст, а главное, и это в-третьих, он был тестем Людовика XV. Да, да, его анемичная, бесцветная супруга, королева Мария, носила в девичестве фамилию Лещинская.

Далее. Зачем России иметь на польском троне курфюрста Саксонского? А потому, что это самим Петром Великим завещано. Август II, батюшка ныне царствующего Августа III, занял польский трон в 1697 году после Яна Собесского. Выборы были сложными. Чтобы обойти соперника (принца Конди), будущий Август II потратил на взятки и подкупы десять тысяч гульденов.

В своей неприязни к Швеции Август и Петр I стали союзниками. Петру нужен был выход к морю, Август обещал полякам вернуть уступленные когда-то шведам польские провинции. Это и определило начало Северной войны.

Петр I начал Северную войну, потому что потерпел поражение в Южной. Если бы ему удалось сокрушить турок, Петербург был бы построен на Черном море. Но история, как известно, не имеет сослагательного наклонения и так далее...

Северная война длилась двадцать один год, после чего был заключен Ништадтский мир. Швеция потеряла свои северные владения и власть над Балтийским морем. Но за двадцать один год много произошло важных событий. Первое сражение с Карлом XII под Нарвой кончилось сокрушительным поражением России. Но Карл решил, что Россия от него не уйдет. Для начала он разделался с Польшей. Вот тогда-то шведы и сместили с польского трона Августа Саксонского и утвердили на нем Станислава Лещинского, Познанского воеводу. Для важного события в Варшаве был созван сейм, выборы были вполне законными.

Далее Карл решил занять Москву и покончить с докучливой Русью. На Москву он шел через Украину. Ну а после Полтавы, куда «страдающая раной Карл явился» – в ночной перестрелке случайным выстрелом у него была раздроблена стопа, – все вернулось на круги своя. Карл вместе с Мазепой бежал в Турцию – союзницу Швеции, а Петр вернул на польский трон Августа II. Так что саксонский двор являлся как бы русской креатурой.

Сейчас нам кажется, что все это было столь давно, что вообще не стоит об этом говорить. Но когда на дворе 1734 год, все эти события живые, кровавые. Петр умер в 1725 году, то есть девять лет назад. Все эти девять лет в России была слабая власть, и Европа недоумевала – что это за Русь, бывшая Татария? Откуда она взялась и почему продолжает вести себя по-хозяйски, смея выигрывать дипломатические войны? Надо бы запихнуть джина обратно в бутылку и забыть про это восточное государство.

И потом, кто такой Петр Великий? Это он потом приобрел статус гения и стал чуть ли не иконой России. А все последние девять лет в сознании людей он был тиран, такое же чудовище, как Сталин. Да, Петр был Преобразователь, у него были сторонники, преданные ему бесконечно. Но после смерти «орла» все «птенцы» в конце переругались и перегрызли друг другу глотки.

Теперь Анна Иоанновна на престоле. Она, конечно, не чета Петру, но двор ее состоит из европейцев. Кто ее приближенные? Бирон, Остерман, братья Левенвольде, Миних. Это самые крупные фигуры, но и во втором эшелоне полно европейцев. А чего им, спрашивается, радеть о России? Живите себе тихо, отдайте награбленные Петром земли и никто вас трогать не станет. В конце концов, Анна только женщина, она любит роскошь, китайские

шелка, брильянты и французские духи. По слухам, она замечательно относится к Франции. Посадим на трон Лешинского и будем дружить августейшими домами. Возобновим дипломатические отношения. Петр Великий приезжал в Париж, и Анна Иоанновна приедет. Мы ее здесь прилично оденем, обласкаем, подарим отменные ружья, говорят, она обожает охоту. Она же европейская женщина! Недаром столько лет прожила в Курляндии. А это уже не Татария, это Европа.

Именно так мыслил король Людовик XV, когда предложил Флери послать в Россию умного человека, ну... двух, которое объяснили бы русскому двору его реальную выгоду.

Флери отнесся к этому плану скептически, но... чем черт не шутит. Если их высочество желает затеять подобную игру, то отчего бы не попробовать? Тайное письмо Шамбера дошло по инстанции, и Флери было доподлинно известно, что Бирон французские деньги взял. Можно, правда, сказать, прикарманил, но это мы потом разберемся, но если фаворит наживку заглотил, то он уже на крючке. Раньше делали ставку на Миниха – сорвалось, датчанин оказался слаб. Но с разумной точки зрения Бирон более перспективная фигура. Франция знала, что любовь в политических делах надежный помощник, а всей Европе было известно, что Анна влюблена в своего обер-камердинера, как мартовская кошка. Более того, в Париже знали, что они живут одной семьей. У Бирона одна жена Бенгина, другая – царица. Еще неизвестно, чьи там дети. Формально они носят фамилию Бирона, но пока это все покрыто мраком. Уж кто-кто, а фаворит сумеет оказать на Анну влияние. Иногда лишнее слово, мелочь незначительная, изъян в поведении могут перевернуть все с ног на голову.

Беда только, что в Россию сейчас просто так не проберешься. Посланцы короля должны будут ехать в Петербург инкогнито. Первой мыслью было обрядить в тайную дорогу Шамбера. Он опытный агент, кроме того, у него личные отношения с фаворитом. Главное, довести до Петербурга зашифрованное письмо от Флери и объяснить все внятно. Конечно, предстоит торговля. Мы пообещаем русским, что со своей стороны признаем Анну императрицей, заставим турок закрепить за Россией Азов и Швеции рот заткнем.

И тут выяснилось, что Шамбера посылать никак нельзя, потому что здоровье его все еще не пришло в норму. Он просто не доберется до Петербурга. Шамбер встал на дыбы. Почему агент не может быть хромым? Сейчас он на костылях, но через пару недель, от силы через месяц, он сможет передвигаться с палкой. Может быть, это даже лучше в целях конспирации.

Знал бы Шамбер, что князь Козловский, встречу с которым он лелеял в мечтах, находится совсем рядом на русских позициях, он бы не рвался так в Россию. Мечта француза была кровавой и неромантической: встретить князя Матвея, вытрясти из него украденные деньги и прирезать его, как собаку.

В результате решено было разбить операцию «русский вояж», как она стала называться, на два этапа. Вначале едут двое агентов, а им вдогонку, спустя некий разумный срок, отправится Шамбер. Кандидатуры агентов предложил Шамбер. Ими были уже знакомые нам безутешная вдова Николь де ла Мот и аббат Арчелли. Кандидатура Николь не вызвала никаких возражений, ловка, умна, красива, и легенду ей легко придумать. Аббат тоже успел зарекомендовать себя с самой лучшей стороны.

Здесь самое время рассказать подробнее про Арчелли. Он был завербован испанским послом де Лирия в то самое время, когда последние пять лет назад возвращался из России. Всей Европе тогда было ясно, что, как только дряхлеющий Август II испустит дух, все царствующие дома Европы станут предлагать своих кандидатов на польский трон. Были бы деньги и хорошая команда для раскрутки пиара, и тогда престол Речи Посполитой будет в кармане. В XVIII веке все это выглядело несколько скромнее, чем в наше время, но в общем-то очень похоже на теперешнюю предвыборную суету. Люди с тех времен мало изменились.

Это научная и техническая мысль преподносит нам каждый день сюрпризы, а головы для осмысления жизни – все те же, и страсти те же.

Словом, Испания решила поучаствовать в общем карнавале. Аббат Арчелли был направлен в Варшаву испанским эмиссаром, как тогда говорили. Решено было выслать в Польшу на предвыборную кампанию миллион песо, шпионская деятельность аббата обходилась Испании куда дешевле – четыреста дублонов в год. Требовалась еще значительная сумма на подкуп Станислава Лещинского, дабы уговорить его отказаться от прав на престол в пользу юного инфанта Филиппа.

Не откажу себе в удовольствии привести текст инструкции, написанной маркизом де ля Пас, министром иностранных дел Испании, для монаха Арчелли.

«Прежде всего, вы должны стараться войти в сношение со всеми главными магнатами Польши и узнать, кто те поляки, которые претендуют на корону. Сблизившись с магнатами, вы должны говорить, что выбор на престол поляка много принесет затруднений и грозит раздорами, что ничего нет лучше, как выбрать иностранного принца.

Заложивши это основание, вы должны с благоразумием и осторожностью выражать свои суждения о качествах и заслугах различных принцев Европы, для того чтобы нечувствительно остановить их внимание на инфанте Филиппе, восхваляя его молодость, обещающую большие дарования. Особенно важно подчеркнуть то, что Испания, удаленная от Польши, никогда не может быть опасна этой республике и никогда не употребит своих сил для разрушения основных законов этого королевства. Нежный возраст принца Филиппа даст ему возможность незаметно усвоить все обычаи страны и переродиться так, чтобы он сделался настоящим поляком».

Арчелли исполнял инструкцию очень точно: интриговал, шептал по гостиным, высказывал суждения, шпионил. Беда только, что, будучи итальянцем, он так и не выучил испанский язык. Французский, однако, он знал с детства, поэтому отчеты писал в Мадрид, но писал по-французски. Одна из его депеш была перехвачена, и он как-то плавно, так и не пристроив испанского принца на трон, незаметно для себя перешел на службу Франции. Принц Филипп, кстати, ездил потом в Россию с желанием выгодно жениться, но тоже как-то не получилось.

Перед поездкой в Россию все было продумано до мелочей: местожительство найдено, подарки в виде ювелирных украшений из Гамбурга высланы и должны были вовремя прийти в Петербург, лица, близкие к русскому двору, с которыми предстояло работать, названы. Теперь главным было благополучно добраться до места.

11

Карета неслась по лесной дороге как бешенная, как уходящий от кровожадного волка олень, или как волк, обманувший охотников. Матвея бросало из стороны в сторону, и он все время задевал локтем больной руки патронную суму, которую Евграф держал на коленях.

– Да поставь ты ее на пол, – кричал он денщику.

Евграф пытался отодвинуться от князя, но суму на пол не спускал. С той самой минуты, как они доползли до тисовой аллеи и обнаружили там собственную карету, а потом еще и патронную суму под сиденьем, Евграф держал ее в руках как малого ребенка и даже поглаживал с нежностью. Все, все было на месте – и документы, и депеши, и, главное, деньги. Такую удачу Господь Всемилоостивый раз в жизни посылает.

На противоположном сиденье, спиной к козлам, сидела прелестная незнакомка, «ночная дева», как окрестил ее Матвей. Она спала, склонив голову на плечо отца, личико ее до половины было закрыто капюшоном, видны были только плотно сомкнутые глаза и золотистый, тугий, как пружинка, локон на лбу. Кто такая, куда едет? Надо признать со всей очевидностью, что пара эта была послана Матвеем самой судьбой.

Все произошло стремительно, можно сказать, – неправдоподобно, словно не сама жизнь, а романист какой-то, недоучка, сочинил сюжет. Лязгнул замок, распахнулась дверь в каретный сарай, и туда с бранью впихнули высокого господина в черном, а потом и дочь его. Девушка была так испуганна, так неловка, что наступила на подол платья и непременно повалилась бы прямо на грязный пол, не подхвати ее черный господин. Потом она сидела, уткнув лицо в грудь его, плакала и повторяла: «Батюшка, за что? Почему они нас схватили? Что плохого мы им сделали?»

Французы... Вроде бы не гоже сейчас конфедератам с французами враждовать, но кто поймет эту загадочную польскую нацию? Темно, не разглядишь ничего, но голосок очаровательный. Вспомнился вдруг Париж. Приятно слышать французскую речь. Но девушка, пожалуй, не парижанка. Чувствуется какой-то легкий акцент... а может, просто кажется.

Матвей, конечно, не утерпел, сунулся с утешениями. Куда там! Дева так и зашлась от слез. Из невнятного разговора отца с дочерью Матвей понял, что оба они ехали в Россию, где им была обещана работа, что в пути их ограбили, пленили и что девушку зовут Николь.

Евграф оказался более удачливым. Как только слезы иссякли и дева принялась всхлипывать, с ужасом оглядывая сарай, денщик подкатил с грудинкой и хлебом. Вот шельмец! Он всегда хочет есть, худой, как жердь, а обжора фантастическая. И все не впрок, все перегорает в бездонном желудке. При этом твердо уверен, что в любом, даже безвыходном положении, жратва есть лучшее утешение и помощник.

И хлеб, и грудинку девушка приняла, поела, и воды попила из горлышка жестяной фляжки.

– Звери, право слово, звери, – ворчал Матвей, грозя кулаком в сторону сопящего под дверью часового.

Девушка что-то обиженно лепетала в ответ, а Евграф дергал за рукав барина и все спрашивал: «Что она говорит-то? Переведите, ваше сиятельство... Может, оно нам в помощь».

Матвей отмахивался от прилипчивого денщика, а потом стал переводить всхлипы девушки слово в слово. Она толковала про какого-то слугу, которому удалось бежать, про то, что надо надеяться, что надежда умирает последней, словом, несла всякий вздор. Молчаливый отец тоже изредка открывал рот, но его слова и вовсе не несли никакой информации. Он только сокрушался по поводу своей несчастной судьбы.

Девушка вдруг замерла, прислушиваясь, и даже пальчик подняла, упреждая всех, – замрите!

– Бог всегда посылал мне помощь, не оставит он меня и теперь, – прошептала она одними губами.

– Мыши, – пояснил Матвей, пытаясь объяснить скребущийся звук из темного угла.

– Нет, нет, это наше спасенье, – Николь вдруг резво вскочила на ноги и бросилась в темноту.

А дальше все завертелось со скоростью сорвавшегося с петель колодезного ворота. В глубине сарая лязгнула отодвигаемая щеколда. Оказывается, там была дверь, Матвей и не подозревал о ее существовании.

– Скорей, скорей, – страстно шептала Николь и тянула за руку к этой двери Евграфа. – Господин офицер, поторапливайтесь. Мой слуга спас нас. Ну что же вы? И тише, тише...

Надо сказать, что контузия коварная штука. Вроде бы Матвей вполне нормально соображал, но как-то не смог быстро перестроиться. Куда бежать, зачем, если так хорошо сидим и разговариваем? ...Евграф пытался тащить раненого барина на горбу, тот вырывался, но в дверях денщик одержал-таки победу, обхватил князя за талию и перенес через порог. Стойла в большинстве своем были пусты, только в двух или трех стояли лошади.

Потом все куда-то ползли. Чужой слуга показывал дорогу. Маленький такой мужичок, соплей перешибешь, а вот решился на подвиг – спас хозяев.

Николь вздрогнула во сне и распахнула глаза, осмотрелась с удивлением, пытаясь вспомнить, где находится, и выпрямилась.

– Батюшка...

Суровый отец уже склонил к дочери участливое лицо:

– Все хорошо, родная. Погони не было. А если и была, то мы от нее ушли. – И тут же обратился к Матвею: – Позвольте представиться.

Познакомились. Далее с двух сторон щедрым потоком полились слова благодарности. Матвей твердил: «Помилуйте, сударь, это я должен вас благодарить, это ваш слуга...» – и так далее. Но господин Арчелли не уступал русскому офицеру в благородстве: «Без вас мы бы не решились на этот шаг. Нас выручила ваша карета. Ваш слуга тоже выше всех похвал». Словесный рыцарский поединок прервала Николь:

– Успокойтесь, господа. Все мы здесь, присутствующие, выше всяких похвал. И будет об этом. Батюшка, вы лучше узнайте у князя Козловского, куда он едет. Обстоятельства наши таковы, что мы вынуждены, даже может быть против желания князя, воспользоваться его помощью.

Матвей так и зашелся в припадке великодушия: как так вообще можно ставить вопрос, да он за честь сочтет, он, может быть, последнее время только и мечтает, как бы оказать милой деве и ее благородному отцу какую-либо услугу.

В таком вот ключе шел разговор. Николь ненавязчиво подбрасывала тему, господин Арчелли подхватывал ее, князь Матвей с горячностью заверял, что он готов умереть, если ему кто-либо помешает снабдить отца и дочь деньгами, довести их до места и проследить за тем, чтобы они устроились с подходящим комфортом, а Евграф, сидя рядом, шипел в ухо барину: «Переведите, ваше сиятельство, может, что-нибудь для дела нужное».

Господи, для какого дела-то? И что тебе, недоумку, здесь может понадобиться? Учитель латыни, испанского, французского, а также ваяния и живописи едет в Петербург к некоему богатому негоцианту, дабы репетиторствовать его детям. С учителем едет его дочь, не оставлять же ее одну. К слову добавим, что учитель вдовец. Уж, наверное, негоциант и без помощи Матвея устроит эту пару надлежащим образом, но этот господин Труберг, или как его там, должен знать, что русский офицер придет проверить, как живет в его доме гувернеру и его дочери, и не обижают ли его детки, и прилежно ли учат латинские глаголы и испанские падежи.

Путешествие протекало чрезвычайно приятно. Матвей вспоминал Париж, играл в галантного кавалера, пытался острить, а Николь смеялась. Батюшка смотрел бирюком, но не перечил дочери, только цедил что-то сквозь зубы, но так невнятно, что молодому человеку лень было вслушиваться и разбирать его ворчание по нитке. Тем более что смех Николь был чрезвычайно звонок, право слово, словно сноп искр вспыхивал над костром. Но чаще всего и совсем не к месту вспоминалась вдруг морская волна, которая нахлынет на берег, а потом, бирюзовая, откатит назад, шурша мокрой галькой.

А что беспокоило Матвея в дороге, так это раненое плечо. И не потому, что от боли зубы сжимал. Больно, конечно, было, но вполне терпимо. Беда была в другом: рана «подтекала», сочилась сукровица, плечо мокло, под мышкой было неопрятно. Матвей панически боялся, что провоняет, а потому все время настаивал, чтобы окошко в карете держали открытым, а Евграф, как назло, затворят створку, мол, застудитесь. Вот, идиот!

Благополучно миновали русскую границу. Документы Матвея были в полном порядке. Про французов он строго сказал, что «это со мной». Не объяснять же полицейскому драгуну, что отец и дочь попали в плен к полякам и лишились паспортов. Драгун было заартачился, мол, хоть какую-нибудь бумажонку покажите. Пришлось повысить голос и сунуть в рожу личное письмо генерала Любераса. Словом, обошлось, пропустили.

И тут, среди родных просторов, не доезжая постоянного двора, Матвей поддался уговорам Евграфа и согласился промыть и наложить свежую повязку на плечо. Остановились у небольшой, тонущей в ивах и черемухе речушки, в которую впадал весьма чистый ручей. Бабочки летают, мес то – лучше не придумашь.

– Мадемуазель, сударь, наша остановка не займет много времени. Мы ненадолго оставим вас, – галантно сказал Матвей и нырнул вслед за Евграфом в приречные заросли.

Крапива уже вошла в рост, поэтому далеко в чащу углубляться не стали.

– Садитесь, ваше сиятельство, вот тут, на бревнышке, – сказал Евграф, доставая из патронной сумы корпию, ножницы с длинными зубьями и квасцовый камень, дабы прижечь рану. Все эти вещи он выпросил, а может, украл в лазарете перед длинным путешествием.

Прежде чем приступить к процедуре, Евграф критически осмотрел барина. Васильковского цвета кафтан с нарядно отороченным по воротнику и обшлагам красным подбоем выглядел так, словно его бросили на пол и долго топтали сапогами. Это мы почистим, грязные места замоем, уже то хорошо, что не надо уродовать кафтан, надетый внакидку. А вот камзол лосиного цвета придется резать, иначе до раны не добратся. Ну и шут с ним, с камзолом, весь бок мокрый от сукровицы, выкинуть к чертям собачьим и все дела!

– Но, но! Я тебе повыкидываю. Чтоб все в целости до дома доvez! И меня, и одежду форменную.

С криканием и причитаниями Евграф освободил руку барина и от камзола, и от рубахи, и от грязных бинтов. Матвей сидел голый по пояс и сквозь зубы ругался матерно. Больно ведь! Рана загноилась, какие тут, на хрен, квасцы! Ее бы чистым спиртиком промыть, но в распоряжении Евграфа была только ключевая вода.

Евграф только плескнул из ведерка на рану, как вдруг Матвей ахнул, вскочил на ноги и, ломая сучья, ломанул прямо через крапиву к большим, стоящим у самой воды ивам. Евграф подхватил суму, побежал вслед, но на полпути обернулся, чтоб посмотреть, что так напугало князя. Мамзель французская... Она стояла, ухватив рукой ветки черемухи, и, чуть приоткрыв от удивления рот, смотрела вслед денщику. Евграф ничего не сказал, только плюнул в сердцах.

Матвей сыскался у речки, надежно прикрытый плакучими, до земли достающими ветвями.

– Что же вы делаете, Матвей Николаевич! Разве так можно? Всю рану засорили... Листья какие-то, сор лесной...

– Ничего... Листья только на пользу. Бинтуй давай! Да осторожнее. Я, чай, человек, не кобыла...

– А скачете, как отменный жеребец!

К удивлению Евграфа князь запретил прополоскать в ручье пропахший потом и сукровицей камзол.

– Дай сюда, – приказал он денщику, – пусть у меня будет. Так и нес камзол в руках, пока Евграф не запихнул его в багаж.

Первые минуты Матвей не смел поднять глаза на девушку. Стыдно было, что она застала его в таком разобранном виде.

Но неловкость скоро прошла. Николь вела себя так естественно, так сочувствовала своему спутнику и боевым его ранам, что впору было не краснеть, как нашкодивший малец, а распустить павлиний хвост и рассказывать о своих подвигах при взятии Шотланды. Вот ведь рубка была! Но не смог он ничего рассказать, язык словно прилипал в гортани. Так и ехали. Дева щебечет, а он молчит и улыбается глупо.

12

На следующий день, к вечеру, когда до места назначения остался один прогон, случилась неожиданность: колесо слетело с оси. Большого урона не было, только багаж в канаву угодил, да батюшка, мрачный ворчун, по неловкости изволил набить шишку на затылке.

– Только бы до кузни добраться, – причитал Евграф. – Проклятое колесо! Вот и думай теперь – доедет оно до постоянного двора или не доедет. Экая незадача!

Неожиданная задержка в пути не огорчила Николь.

– Папенька, мы пока погуляем...

Этой фразой она сразу как бы приглашала к прогулке Матвея, а также давала понять отцу, что обойдется без его общества, потому что вполне доверяет русскому. Матвей с охотой откликнулся на приглашение. Перед ними расстились луга, поросшие колокольчиками и розовой смолкой. И конечно, ромашки, куда же без них? Поэтический пейзаж, что и говорить. Узенькая тропочка, петляя, вела к купе деревьев. Птицы пели в траве, высоко в небе ястреб выискивал добычу.

Николь быстрым шагом шла вперед, Матвей еле поспевал за ней. Надо о чем-то разговаривать, думал он. Невежливо идти вот так, молчаливым олухом. Некстати вспомнилось, как он убежал вчера от девицы в кусты. И тут вдруг новая мысль обожгла его. Если вдуматься, то не раны он стеснялся и не обвисшей плетью грязной руки, а собственной наготы. Такого с ним отродясь не было. Вспоминать давешнюю сцену было не только стыдно, но и приятно, томительно. Тогда он ощутил на своих голых плечах и груди ее взгляд как нечто материальное. Николь словно погладила его теплой ладошкой, словно перышком пощекотала. А глаза у нее были огромные, удивленные. А какой смысл был в этом взгляде? Нет, он не в состоянии его прочитать. «Старею», – думал со смятением двадцатишестилетний князь.

А чего это он, собственно, приуныл? Понравилась девица, иди до конца. Тем более что Николь из простых, гувернерова дочь, что стесняться-то? Complimentами сыпь, встань на колени с приличной речью, ручку облобызай – и она твоя. Но не хотелось ему вставать среди полей на колени. Глупо как-то... Плечики у нее такие худенькие, грудки маленькие, как китайские розетки под варенье, и глазки в пол-лица.

Николь вдруг остановилась и оглянулась с вопросительным взглядом. Матвей сразу покраснел, лицо пошло пятнами, как у золотушного.

– Что? – спросил он испуганно.

– Ручей...

– Кабы не моя раненая рука, я перенес бы вас как пушинку.

– Не надо... как пушинку. Здесь камни, я могу по ним перейти. Позвольте опереться на вашу руку?

– О!

Николь все-таки замочила туфельки, а может, просто сказала, что замочила. Пришлось вернуться. На обратном пути произошел разговор, который оставил в душе Матвея странное, непонятное чувство.

А случилось все так. Он, наконец, взял себя в руки, набрал букет цветов и с поклоном вручил их Николь. Она благосклонно их приняла и сразу стала похожа на пейзажницу с модной картинкой, только соломенной шляпки не хватало.

– Теперь вы похожи на пастушку.

– Теперь? А раньше на кого я была похожа?

– Ну, про пастушку я просто так сказал. Я видел такой мозаик на табакерке. Но вас я почему-то представляю на море. Эдак знаете, чтоб брызги в лицо, нос корабля рассекает седую волну...

Он продолжал говорить пышно, витиевато, Николь смеялась. Позволим себе высказать догадку, о чем именно она думала. Уже с уст ее готова была сорваться поощрительная фраза, что-нибудь вроде: «Какой вы, право, еще мальчик», или нет, так нельзя, еще обидится, надо сказать: «Я и не догадывалась, сударь, как вы юны душой», но вместо этого она переспросила довольно резко:

– Какая дама на палубе? Какой розовый шарф?

– Длинный, – с готовностью отозвался Матвей, – а она в черном плаще. Рядом фок-мачта. И шарф задевает эту мачту, вот-вот обовьет.

– Где вы видели эту даму?

Матвей глянул на Николь внимательно, настороженность в ее голосе его смутила.

– Наверное, во сне, – сказал он по возможности беспечно и поспешил перевести разговор на сельский пейзаж.

Впрочем, он мог и не стараться. Разговор как-то сам собой иссяк.

Вопреки переживаниям Евграфа, наши путешественники вполне благополучно добрались до постоянного двора и кузни. Карета требовала серьезной починки. Последний перед столицей постоянный двор не отличался от прочих: не большой, не маленький, в меру грязный, с мышинным писком за печкой, с черными тараканами у немецкого поставца с оловянной посудой.

Этот последний вечер Матвей вспоминал как в тумане. Сам он лег в большой комнате на лавке, Николь разместились за плотной занавеской в углу. Где папенька, дай бог памяти, ночевал? А кто его знает, где-то тут же. Еще запомнилась рябая девка, которая таскала одеяла и овчинные тулупы. Матвей спрашивал: «Зачем тулупы, уже июнь на дворе?» А девка отвечала: «Дак ноги прикрыть. Утренники еще студены». Оспа хоть и попортила ей лицо, изуродовать до конца не смогла, руки сильные, хватистые, носик точеный, покрывающий волосы плат украшал мелкий северный жемчуг, в ушах серьги с яркими стекляшками. Знатная девка!

А дальше – туман. Что ели, что пили, как в постели укладывались – ничего Матвей не помнил. Проснулся утром с больной головой, плечо ныло, как кипятком ошпаренное. Тут же выяснилось, что последний прогон до столицы ему предстоит совершить в одиночестве, то есть в обществе Евграфа. Прелестная Николь и благородный отец, оказывается, уже уехали. Как, с кем? Матвей бросился к Евграфу – что ж не разбудил, тетеря глупая? Денщик даже не счел нужным оправдываться, он-де тоже спал. Объяснение дала рябая девка. Оказывается, недавние их попутчики случайно встретили на постоялом дворе соотечественников и отбыли с ними в неизвестном направлении.

Матвей расхохотался нервно. Ну, знаете, это уж ни в какие ворота! Эти самые «последние трактиры», последние в смысле перед пунктом назначения, играют в его жизни роковую роль. Но с Польшей понятно. Там перед Варшавой он напился как свинья, потому и не помнил ничего. И здесь-то он и выпил всего две кружки браги. Правда, в иных трактирах такую брагу варят, она быка с ног может свалить.

Отсмеявшись над своей глупой судьбой, Матвей начал ругаться. Евграфу бы молчать в тряпочку и продолжать заниматься делом, а он не утерпел, принялся как бы утешать, а вернее сказать, давать собственную оценку происходящему. И делал он это в совершенно недопустимой манере. Евграф вытащил барина с поля боя и теперь считал, что несет за него ответственность. Перед кем? Перед Богом, наверное. Перед Богом теперь он и отчитывался.

– Смышленная девица, – бормотал он, разбирая багаж. – Вы, ваше сиятельство, человек рассудка нехолодного и тяготеете к восторгу. А она дева созревшая, спелая. Слепому видно, что она вас соблазняет и дурачит. Я это еще в сарае заметил, когда в полону сидели. И не верю я ни в каких соотечественников. Ямщик проезжий мне сказал, что они верхами отбыли. Может, врет или путает чего... Но в любом случае надо проверить, целы ли у нас

деньги, потому что и дочка, и папенька говорили, что у них поляки все отняли, ни дуката, ни форинта, ни рублика не оставили.

Вот тут Матвей и дал выход своему гневу. Он залепил денщику такую затрещину, что тот с перепугу на пол сел и потом, держась за ухо, только таращился изумленно.

– Ты хочешь сказать, что они у нас деньги украли?

Содержимое сумы было вывалено на лавку: роговая натруска для пороха, огниво, корпия, бинты льняные, португез лосиная с пряжкой, документы, деньги, ножницы, депеши от генерала Любераса – все в кучу. Евграф бросился спасать свое добро.

Все деньги были целы. Пока денщик, подвывая от негодования, аккуратно складывал содержимое сумы, Матвей решил проверить наличие единственного документа, за которого он сам нес ответственность. Этим документом было письмо, зашитое агентом Петровым под подкладку его форменной одежды. Черт, он про него и забыл совсем! Матвей тщательно обследовал камзол. Перевязывая барина, Евграф подрезал на камзоле рукав. Под подкладкой ничего не было. Может, обронили секретное послание в момент перевязки?

– Ваше сиятельство, Матвей Николаевич, письмо было в кафтан зашито. Камзол здесь ни при чем.

Матвей схватил кафтан. Неужели письмецо так истончилось в дороге, что превратилось в тряпочку и не обнаруживается на ощупь? Пришлось пороть. Нитки были крепкими, в ход пошел нож. Евграф не мог видеть, как барин кромсает только что почищенный кафтан, а потому отпихивал князя, приговаривая: дайте я, нельзя же так.

– Да погоди ты, в самом деле?

Письма не было. Удивительно, что, осознав потерю, Матвей скорее не огорчился, а обрадовался. Теперь не нужно идти к Бирону с этим дурацким посланием агента Петрова. Встреча с фаворитом таила любые неприятности, еще, не приведи господь, нагрузит новым шпионским заданием.

– Вы что молчите, ваше сиятельство? Кто письмо похитил?

– Поляки, – пожал плечами Матвей.

– Да вы и не снимали кафтан в той усадьбе, а в карете его всегда в накидку носили.

Евграф взял кафтан в руки, обследовал его внимательно и обнаружил дыру под мышкой. Края дыры были ровные, словно ножом разрезанные. Он попробовал сунуть в дыру руку – не получилось. «Сюда только женская ручка пролезет», – подумал денщик, но вслух ничего не сказал. Зачем ему получать новые затрещины? Имя девицы Николь теперь было для него под запретом.

– А можно спросить, что в том письме было написано?

– Да не читал я. Отродясь в чужие письма нос не сую. «А зря», – подумал умный денщик и был, конечно, прав.

Часть вторая

1

Шведский посол Нолькен квартировал в небольшом особняке в Адмиралтейской стороне близ церкви Св. Симео на и Анны, отстроенной только что на радость обывателей архитектором Земцовым. Рядом с собором, блестящим свежей краской и нарядным декором, особняк Нолькена выглядел неказистым, и сад рядом чахлый, а на задворках – болото с жесткой осокой.

Но это только внешне каменный особнячок, семь окон по фасаду, был скромнен. Войди внутрь и увидишь старинные, искусной работы шпалеры, крытые серебряной амальгамой зеркала, китайский фарфор в поставце и роскошную, на сорок рожков люстру-паникадило над новомодным раздвижным столом.

За этим столом и ужинали. Поскольку гостьей посла была одна мадам де ла Мот, то бишь Николь, стол раздвигать не стали, паникадило на зажгли, а рядом с тарелками поставили шандалы с восковым свечами, но накормили сытно, правда, без особых изысков.

Николь уплетала за обе щеки и усмехалась про себя. Дома в Швеции Нолькен был не то чтобы скуп, но бережлив, посуда роскошная, а есть нечего, а в Петербурге вдруг и расщедрился. Видно, это русские на посла так повлияли, всем в Европе известно их неумное гостеприимство. Да и роскошь в доме была совершенно неумеренной для протестантской Швеции.

Перешли к десерту. Попивая горячий глинтвейн, Николь молчала. Пусть сам задает вопросы. Она не девочка, чтобы отчитываться. Посол словно подслушал ее мысли, отодвинул граненый бокал и приступил к серьезному разговору. Здесь уже она все с готовностью выложила, вернее, почти все. Перед шведским послом Николь не надо было таиться, но любая женщина оставляет кой-что про запас.

Конечно, она не сказала, что в дым разругалась со своим спутником Арчелли. По приезде в Петербург аббат сразу облачился в сутану. Католическая одежда преобразила его характер. Он и раньше был назидателен, но, ощутив на плечах привычное одеяние, стал просто невозможен. Главным грехом Арчелли, а их у аббата было предостаточно, была непомерная гордость, граничащая со спесью.

Они остановились в доме некоего негоцианта, который, кажется, вообще не имел национальности, поскольку торговал со всей Европой и на всех иностранных языках изъяснялся. В дела своих постояльцев он не вмешивался и был предельно вежлив и предупредителен.

Уже на следующий день Арчелли отправился по своим делам. На вопросы Николь он решительно заявил, что не будет отчитываться перед ней, что она всего лишь переводчица, потому призовет ее к исполнению своих обязанностей только в случае реальной необходимости.

Ах, так? Тогда и она, Николь де ла Мот, будет вести свою игру, не оповещая об этом спесивого монаха. О посещении шведского посла она ничего не сказала своему спутнику. Хотя справедливости ради надо заметить, что, будь Арчелли обворожителен и кроток, как овца, она все равно бы ни словом не обмолвилась бы о Нолькете. Задача аббата – получить аудиенцию у Бирона, войти к нему в доверие и руками фаворита осуществлять далеко идущие планы. А Николь не нужен Бирон.

Я расскажу вам о своих намерениях, господин посол. Я не знаю русского двора, не знаю, в какие узлы завязаны здесь интриги, поэтому прошу вашего совета – с чего начать? Я готова с полной откровенностью объяснить вам свою задачу. Да, да, вы все понимаете

правильно. Я должна попасть в круг доверия царицы, войти к ней в доверие и уже после этого путем разумных и неспешных бесед склонить их высочество к изменению политики в отношении Франции.

Она, Николь, продумала и детально проработала два пути. Первый: завязать отношения с принцессой Елизаветой, дочерью покойного императора Петра. Говорят, она модница, любит красивую одежду, драгоценности и преклоняется перед французской модой.

– А второй? – перебил Нолькен.

Николь удивленно посмотрела на собеседника. Видно, ему чем-то не понравился первый вариант. Что ж, расскажем второй. Во втором варианте ставка была сделана тоже на женщину – племянницу царицы юную Анну Леопольдовну. Принцессе шестнадцать лет, известно, что она умна, но подвержена чужому влиянию. Еще в Париже говорят, что царица Анна надумала выдать замуж племянницу за принца Антона Брауншвейгского, дабы рожденный от этого брака мальчик стал наследником русского трона. Так?

– Так, – согласился Нолькен. – Но брак отложен до совершеннолетия принцессы, поэтому наследника придется ждать не менее трех лет, а может быть, и того дольше. Но вы правы в том, что царица действительно привязана к своей племяннице. Я могу вас представить принцессе Анне. Это трудно, но возможно. Боюсь только, что дальше светских разговоров дело не пойдет, – он насмешливо фыркнул. – Легко сказать – войти в доверие...

– Это я придумала, – оживилась Николь. – У русской принцессы есть воспитательница генеральша Адеркас, французенка. Сейчас она вдова. Стало известно, что после смерти мужа она испытывает материальные затруднения и вообще намерена уехать на родину.

– Я об этом ничего не знаю, – лицо посла приняло сосредоточенное выражение. – Но генеральша Адеркас по-прежнему близка к принцессе. Вопрос только – как вас представить и объяснить ваше появление в Петербурге? Под каким именем вы числитесь?

– Под своим, – рассмеялась Николь. – Самая лучшая легенда – это правда. И не будем ее скрывать, – она вздохнула легко. – Не надо перекраивать мою судьбу.

Нолькен понимающе кивнул головой.

В десять вечера Николь заторопилась домой, но послу не хотелось сразу отпускать хорошенькую гостью. Мало на свете дам, которые имели бы такую ясную голову и судили так здраво о политических делах Европы.

– Полноте, моя дорогая. Еще совсем светло.

– Ненавижу это время! Сейчас хоть какая-то ночь, но скоро наступит вечный день и придется спать с задернутыми шторами. А я, засыпая, люблю видеть небо.

– В начале лета небо здесь темное от комаров. Гнилой климат. Я поставил на окна сетки, но они мешают проникновению свежего воздуха. А русских это почему-то не беспокоит. Они привыкли спать в духоте.

Николь еще поворчала для порядку, но согласилась пройти в сад выпить кофе. Столик поставили под молодым разлапистым каштаном, цветущие розовые свечки живо напомнили Париж. Рядом тихонько журчал фонтан. Струя била из разверстой пасти рыбины, отдаленно напоминавшей дельфина. Где-то совсем рядом залаяла собака, и тут же грубый мужской голос обрушился на нее с бранью. Видимо, мужик бил несчастное животное, потому что собака вначале выла, потом начала скулить и, наконец, визжать жалобно. Николь казалось, что она слышит свист хлыста или плетки.

– Это у соседей, – пояснил Нолькен. – Варварская страна.

Собачий скулеж наконец стих. Карета проехала по улице, слышно было, как под колесами ходят ходуном бревна отмокши, и опять все стихло.

– Вы считаете, что мне не надо знакомиться с принцессой Елизаветой?

– Царевной. В отличие от принцессы Анны здесь Елизавету зовут царевной. Елизавете двадцать три года, и она все еще не замужем.

Принесли кофе. Он оказался пахучим, крепким. Нолькен откровенно наслаждался напитком.

– Послушайте, как журчит фонтан. Кажется, совсем, как дома, но это иллюзия. Здесь все не так. Россия трудная страна. Я желаю вам всяческих успехов, но вам будет не легко, – добавил он вдруг ласково, с почти отеческой интонацией. – И на что только вам приходится тратить молодость...

– Ну да... молодость и красоту, – рассмеялась Николь.

– Прекрасной вдовой хорошо быть только в анекдотах. А на деле... Вам бы тоже не мешало подумать о замужестве.

– Считайте, что я коплю себе на приданое.

Нолькен вдруг начал скрупулезно перечислять женихов царевны Елизаветы, он морщил лоб, загибал пальцы, словно боялся кого-нибудь забыть. Первый в списке был король Людовик XV. Тогда будущему королю было всего семь лет, а царевне Елизавете – восемь. Царь Петр был чудовищно честолюбив и напорист, он был уверен, что сватовство состоится. Но Флери не допустил этого брака. После Ништадтского мира царь повторил попытку, но Людовик XV был уже женат, как вы знаете, на испанской инфанте. Выдать замуж Елизавету за принца крови так и не получилось. Остерман в свое время даже хотел сочетать ее браком с царем Петром II. Церковь этому воспротивилась. Православие запрещает столь близкие браки. Еще царевну сватали за Морица Саксонского и герцога Фердинанда Курляндского.

– И поэтому Елизавету не любит царица Анна? – не выдержала Николь. – Мориц Саксонский, если мне не изменяет память, сватался и за саму царицу, когда она жила в Курляндии.

Нолькен рассмеялся.

– Похоже, вам известно не меньше, чем мне. Тогда зачем я все это рассказываю?

– Чтобы я поняла, что общаться с царевной Елизаветой не перспективно.

– Более того – опасно! – посол поднял палец. – При дворе Елизавета всем только мешает. Царица боится, что она предъявит права на трон.

– А Елизавета хочет этого?

– Ни в коей мере. Но в России есть силы, которые спят и видят, как бы посадить на стол «искорку Петрову». А пока Остерман старается найти в немецких землях какого-нибудь захудалого принца и сбить Елизавету с рук. Правда, этому неизвестно почему препятствует Бирон.

– Может, он влюблен в Елизавету?

Нолькен прижал палец к губам.

– Тише, об этом в России не только говорить, но и думать опасно.

Николь пожала плечами, мол, вы мне столько всего наговорили – и ничего, а невинное замечание о любви – это, оказывается, крамола. Нолькен поторопился объяснить.

– Бирона всуе вообще лучше не поминать. Он связан браком с достойной Бенгиной, она родила ему детей, но влюблен он только в одну женщину. И так будет до скончания веков.

– Я поняла, в царицу... – прошептала Николь.

Белый мотылек, предвестник ночи, упал ей в подол, запутался в складках и стал биться, желая улететь. Она чуть сжала мотылька в кулаке. Он мягко терся о ладонь. Почему-то вдруг вспомнился недавний попутчик князь Козловский. Не трудно было догадаться, что долговязый офицер успел в нее влюбиться. Дурачок, и не дурен... Но опасный дурачок. Она сделает все, чтобы никогда с ним не встретиться.

Нолькен меж тем рассказывал о последних депешах из Стокгольма. Хотите, я вас развеселю? Видимо, это действительно казалось ему смешным. Вообразите, милая, дома образовалось два военных клана. И названия у них смешные. Борьба «колпаков» и «шляп». И

война между ними идет нешуточная. Пока, правда, дело не дошло до драки, все ограничиваются пустой бранью.

– Колпаков? Почему? – рассеянно переспросила Николь, она плохо слушала посла.

– Шляпы – это военная партия, которая рвется воевать с Россией и вернуть завоеванные царем Петром земли. Не забывайте, срок Ништадтского мира подходит к концу. Ну а колпаки, разумеется, умеренные, они против войны. Они за мир.

– А вы к какой партии принадлежите? Вы в колпаке или в шляпе? – лукаво спросила Николь.

– Я в парике. Я за здравый смысл.

Николь понимающе кивнула и добавила сквозь зубы:

– Ненавижу Россию.

2

Нолькен сдержал обещание и в конце недели пригласил ее на ужин к саксонскому посланнику. Общество собралось небольшое, изысканное. Вначале стол накрыли на восемь кувертов, потом добавили еще два, для одной русской пары.

Нолькен точно рассчитал время прихода, оно совпало с появлением их высочества принцессы Анны Леопольдовны со свитой. Кроме воспитательницы принцессы генеральши Адеркас, с помощью которой Николь собиралась мостить дорогу к русскому трону, и бойкой девицы по имени Юлия Мегден, в дом вошел еще гвардейский офицер. Он представлял собой охрану, в покои допущен не был и скрылся где-то в людской.

Нолькен отрекомендовал Николь как свою дальнюю родственницу. Женщины осмотрели ее критически и тут же о ней забыли, чинно уселись за стол и принялись за еду. Выдержанная в светло-коричневых тонах столовая казалась мрачноватой, стены украшали картины в богатых рамах, все какие-то пейзажи с полуголыми нимфами и пастухами. Николь мало понимала в живописи, но в посуде знала толк, и отметила про себя, что английской работы серебро в доме саксонского посланника было великолепным.

Пока гости выпили по одному бокалу вина и приступили к первой перемене блюд, а также к обязательным ничего не значащим разговорам о польской войне, новом доме Волынского, о появлении в царском зверинце очередного леопарда и об осушении болот близ Невского монастыря, на кладбище не проедешь, автор позволит себе рассказать о главном действующем лице этой главы – племяннице царицы.

Напряженная, скованная, обряженная в платье робу с крупным цветным орнаментом, Анна Леопольдовна выглядела как девочка-отроковица, примерившая чужую одежду. В эдаком наряде с фижмами, еле в дверь войдешь, уместно быть на балу, а не на скромном ужине. Но, видно, окружение принцессы рассуждало иначе. Она мать будущего наследника, надежда престола русского, а потому должна в любое время дня и ночи, если показываешься на люди, выглядеть торжественно.

Итак, краткая биографическая справка. Можно было бы дать сноску, но мелкий текст внизу страницы обычно трудно и скучно читать. Впрочем, если читатель торопится за сюжетом, он и в тексте может опустить «глоссарий».

Анна Леопольдовна, племянница царицы и внучатая племянница Петра I, родилась в Ростке в 1718 году. При крещении по протестантскому обряду получила имя Елизаветы Христины. Мать – Катерина Иоанновна, отец – герцог Карл-Леопольд Мекленбург-Шверинский. Про Карла Леопольда вся Европа знала, что он самодур, дурак и деспот, словом, чудовище. Родители разбежались, когда девочке было три года. Катерина Иоанновна вернулась с дочкой в Россию и жила у матери, царицы Прасковьи Федоровны.

Жизнь не сулила девочке ничего хорошего, но в тринадцать лет судьба вдруг улыбнулась. Тетка стала царицей и забрала племянницу к себе. Елизавету Христину объявили матерью будущего наследника престола. Вот как бывает в царствующих семьях. К слову скажем, что именно мальчика она и родила через восемь лет, а пока-то еще и жениха нет.

Девочку стали готовить к будущей великой судьбе, окружили свитой, охраной, наставниками. Тогда же появилась воспитательница Адеркас, шустрая и преданная юной госпоже женщина. В православии Елизавету Христину наставлял сам Феофан Прокопович.

Стали искать жениха, конечно, среди немцев. Брачным контактом занимался старший Левенвольде. Претендентов было двое. Первый, Карл, – представлял интересы Пруссии. Вторым – Антон-Ульрих Брауншвейг-Беверн-Люнебургский. Чем меньше княжество, тем длиннее титул. Последний жених был неказист, но брак с ним способствовал сближению с Австрией, а это вполне соответствовало планам русского двора и особенно Остермана.

Антон-Ульрих прибыл в Петербург в январе 1733 года (напомним, что сейчас 1734-й), был принят на русскую службу, а в мае он уже присутствовал на чрезвычайно торжественном обряде принятия Елизаветой Христиной православия. Девочку нарекли Анной, отныне она, как при монастырском постриге, должна была забыть свое имя.

Дальше встал вопрос о свадьбе. Ее решено было отложить до совершеннолетия принцессы. Вообще-то, пятнадцать лет, можно и под венец идти, но при дворе сплетничали, что жених очень не приглянулся царице. Как говорится, ни кожи, ни рожи, ни ума, ни роста. Плохонький был жених, однако на портрете того времени он выглядит великолепно. Роскошный, почти до пояса, парик, – тугие локоны, тысячи локонов, на плечах плащ с горностаем, рядом атрибуты рыцарства: шлем с забралом, лавровые ветви, герб со львом и оленем. И умные красивые глаза... Поди разберись, кто врут, историки или живописцы. Судьба Антона-Ульриха, и супруги его Анны Леопольдовны, и детей их была ужасна, ужасна...

Но сейчас не время говорить об этом, вернемся к обеденному столу. Мадам де ла Мот не принимала участия в общем разговоре, впрочем, довольно вялом. Телятина была отлично приготовлена, мясо так и таяло во рту. Казалось, она полностью поглощена едой, но на самом деле она работала. Надо было рассмотреть сотрапезников, хотя бы начерно определить характер каждого, понять, что связывает этих людей. Ведь не даром, сказал Нолькен, они собираются вместе почти каждую пятницу. Интимный кружок... В Париже бы сказали – салон. Но старый посланник саксонского двора никак не был похож на властителя дум и мастера задушевной беседы, объединяющий под своим кровом столичную мысль. Да и нет в России общественной мысли? Если она где-то и теплится, то уж никак ни в этой мрачной гостиной.

Про теперешнего посланника говорили, что он болен, скуп, и на вид еще старше, чем на самом деле. Именно поэтому ему на смену явился красавец граф Линар. Вот он сидит на торце стола – душа компании, дамский угодник.

Граф выглядел великолепно: высокий, хорошо сложенный, выбрит так тщательно, что подбородок кажется шелковым, на ум невольно приходят оперные кастраты. И одет... камзол его из небеленого льна, вышитый зеленым и абрикосовым шелком, шили наверняка в Париже. В Саксонии еще не доросли до такого изыска. Линар острил, делал дамам комплименты и беззастенчиво пялился на юную принцессу. Играл ли он или впрямь был очарован, понять было трудно, но глаза его так и лучились восторгом.

Худенькая, миловидная, прическа, пожалуй, ей не идет, букли над ушами еще можно стерпеть, но два длинных, как сосульки, жидких локона явно не красят принцессу. И с румянами перемудрили, левая щека явно ярче. Может быть, она зарделась оттого, что обращена к Линару?

А глаза красивые, и грудь великолепная. Шестнадцать лет, еще расти и расти, а вполне может позволить себе любое декольте. Николь болезненно относилась к этой части туалета. Природа не наградила ее красивым бюстом, так только – легкое вздутие с сосцами, поэтому даже если она и надевала декольтированное платье (как же иначе пойдешь на бал?), то обязательно набрасывала на плечи прозрачную шаль или кружевную мантилью.

Принцесса благосклонно принимала ухаживание графа Линара. Правда, разговаривала за нее Юлия Менгден, наша высокородная красавица только краснела, но глазками, они у нее раскосые, как у лани, стреляла весьма выразительно.

Главной болтушкой за столом была генеральша Адеркас. Свои словесные трели она выдавала порционно. Выскажется на одном дыхании, потом умолкнет вдруг и заглянет задумчиво в куверт, словно в кофейную чашку, по дну которой иные умеют читать судьбу. Услужливый лакей тут же куверт и наполнит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.